

18+

Владимир ЧИСЛЕНСКИЙ

**АМИГО,
МАЧО,
СЕНЬОРИТА...**

Владимир Численский
Амиго, мачо, сеньорита...

«Издательские решения»

Численский В.

Амиго, мачо, сеньорита... / В. Численский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514619-9

4 мая 2008 года — день, ставший радостным для многих россиян, но трагическим в жизни всех трех главных героев романа. Но ведь встречаются между нами такие люди, которые никак не укладываются в те узкие рамки, которые нам предлагает жизнь. Вниманию читателя предлагается небольшая сага — о любви и ненависти, о дружбе и вражде, о преданности и предательстве, о мужской отваге и женственности.

ISBN 978-5-00-514619-9

© Численский В.
© Издательские решения

Амиго, мачо, сеньорита...

Владимир Численский

© Владимир Численский, 2020

ISBN 978-5-0051-4619-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Амиго, мачо, сеньорита...

Роман, криминальная драма.

Глава 1

Немного о футболе

(вместо предисловия)

История, которую мы собираемся поведать вам в нашем повествовании, началась вечером, накануне того знаменательного дня, когда в финале кубка УЕФА «Зенит» обыграл «Глазго».

Замечательный выдался год! Еще не стерлась из памяти яркая победа ЦСКА трехлетней давности в розыгрыше аналогичного кубка, и уж совсем живо, во всех красках блистал в памяти тот славный путь, который прошел сам «Зенит» к финалу – разгром «Байера» и «Баварии», шквал зрительских эмоций на трибунах домашнего стадиона в Питере, умопомрачительная стойкость и организованность той пары тысяч болельщиков-питерцев, что сопровождала любимую команду на выездах и умудрялась перекричать десятки тысяч немцев и в Ливеркузене, и в Мюнхене, колыхание множества бело-голубых шарфов и одинокая широкополая шляпа между ними – шляпа Миши Боярского.

Питерцы, как и болельщики всей остальной России, томились ожиданием, еще не зная о грядущей победе, но очень в нее веря, а тем временем к святому городу Петра приближался поезд, следовавший из Москвы, в котором находились двое интересующих нас пассажиров, а если точнее – пассажир и пассажирка. Скажем сразу, что их вовсе нельзя отнести к истинным болельщикам футбола – особенно пассажирку, но пассажира вполне можно было бы отнести к просто болельщикам: много ниже мы попытаемся пояснить, в чем, на наш взгляд, разница между двумя такими категориями – истинными болельщиками и просто болельщиками.

Итак, на календаре значилась дата 13 мая 2008 года.

На всякий случай предупредим, что наша история к футболу имеет отношение лишь постольку – поскольку, это не история о коррупции в футболе, как неправильно может заключить читатель, памятуя о том, что в подзаголовке повествования заявлена криминальная драма, но все-таки футбол играет в ней вполне заметную роль.

Что же касается криминальности истории, то откроем сразу, что она вполне реальна, – то есть, имела место быть в действительности, и чтобы придать вескости данному утверждению, сошлемся на архив Василеостровского РУВД, в котором, как и положено согласно закону, до сих пор хранится довольно пухлая и изрядно потрепанная папка, содержащая дело (увы, автор не помнит, за каким номером), которое завели, блестяще раскрыли и закончили сотрудники оперативного отдела упомянутого РУВД, и в котором изложены не подлежащие сомнению факты, полностью доказывающие правдивость начатого повествования, и потому мы немедленно начнем посвящать читателя во все известные нам подробности:

Глава 2

Куда ведут дороги?

Вопрос, вынесенный в заголовок данной части нашего рассказа, с большой степенью вероятности может показаться читателю глупым – что автор осознает вполне.

И действительно – ведь в конце первой главы ясно сказано, что дорога, согласно имеющимся в нашем распоряжении фактам, вела не куда-нибудь, а именно в Санкт-Петербург, и вела она не откуда-нибудь, а именно из Москвы.

Все так.

Но поставив знак вопроса в конце названия текущей главы, автор имел в виду отнюдь не дорогу нашего повествования, и не вообще все дороги – они, как известно, все ведут исключительно в Рим, – нет; здесь автор озадачился более сложным вопросом – куда чаще всего ведут те дороги, что попадают в содержание того или иного произведения искусства? – будь то дороги из фильмов жанра road movie или дороги, оказавшиеся на страницах романов и повестей. И добавим: небезынтересно понять, кого, к кому или к чему ведут такие дороги.

Так вот: если довериться авторским наблюдениям на сей счет, то получается, что все дороги такого рода – то есть, дороги, художественно вымощенные и художественно же окаймленные – ведут не кого-нибудь, а, как правило, главного героя или главную героиню, и ведут они его или ее не просто куда-нибудь из пункта А в пункт Б, а к судьбоносному или, как минимум, очень важному событию в их героической жизни.

Вспомните хотя бы Дон-Кихота, Д'Артаньяна и даже самого Христа! И если Дон-Кихот и Д'Артаньян, оседлав своих росинантов, отправлялись в путь, стараясь иметь более или менее приличный вид, то Мессия въехал в святой город Иерусалим и вовсе на осле.

Пока прервем наши рассуждения.

Итак, к Петербургу приближался скорый поезд.

Шло то время следования по маршруту, когда до прибытия в пункт назначения остаются считанные километры – когда большой свет в составе еще отключен и пассажиры довольствуются лишь слабым ночным светом, но вскоре его уже должны вновь дать на всю силу, и притихший вагон наполнится шумом и суетой; люди, возбужденные близким окончанием путешествия, заснут в суতোлке, торопливо, стараясь ничего не забыть, собирая свои вещи, выбрасывая накопившийся за поездку мусор в специальные рундуки, расположенные у заднего туалета, то и дело, наталкиваясь в проходе на проводника, который, следуя правилам, будет обходить их купе, раздавая по требованию использованные билеты и напоминая присутствующим о необходимости своевременной сдачи выданного им при посадке постельного белья.

Картина знакомая.

Но, напомним, до такого момента оставалось еще несколько минут.

В том купе, в котором находились интересующие нас пассажиры, было совсем тихо и спокойно – путешественники не включали даже прикроватные ночники – часы показывали еще только начало девятого, а сумрак за окном еще не сгустился. На все еще не убранном столике мерно подрагивали полтора десятка опорожненных стаканов из-под чая, с дребезжащими в них на рельсовых стыках ложечками – из чего легко выяснялось, что временные постояльцы уютного мирка на колесах оказались большими любителями дорожного чая – впрочем, во время долгого пути по железке едва ли не всякий из нас становится таким любителем.

На верхних полках бесшумно покачивались скатки скрученных матрасов, а наша парочка размещалась на нижних: лежа ничком, подоткнув под голову подушки, прямо в одежде поверх уже освобожденных от постелей матрасов – вниз они перебрались часа полтора назад, когда пожилая чета попутчиков сошла с поезда на какой-то промежуточной станции.

Молодые люди молчали и с наслаждением смотрели в окно, за которым, как на телеэкране, проплывали вечерние пейзажи, разбавленные уже зажженными огнями пролегающей параллельно железнодорожному пути автострады, огнями заправок, а порою и мотелей – все

говорило о приближении к большому городу. И чудо-кадр завораживал – в нем было нечто навсегда пленявшее душу.

Девушка держала в руке плитку шоколада и, время от времени отламывая от нее дольки, с вопросительным лукавством взглядывала в сторону спутника, а затем прямо под столиком на вытянутой руке протягивала их сначала ему, предлагая полакомиться, а потом, когда он всякий раз отрицательно и упрямо встряхивал вихрами, она, вновь лукаво улыбнувшись, с видимым удовольствием отправляла дольки себе в рот, а затем снова сосредоточивала все внимание на том, что виделось за окном.

В самом купе было гораздо темнее, чем на улице, и лица молодых людей лишь на доли секунды выхватывались из сумрака слабым отблеском убежавших огней, и потому нельзя с определенной точностью сказать, как они на самом деле выглядели.

С некоторой степенью вероятности можно взять на себя смелость предположить, что молодому человеку либо не минуло еще и тридцати, либо немного за тридцать перевалило, заметить, что пряди его волос отливали цветом черного металла; но зато уверенно можно, несмотря на то, что пассажир лежал, заключить, что он великолепно сложен – высок, строен и жилист – из тех, кого называют «поджарыми», и кто, как правило, пользуется большим успехом у противоположного пола и настороженным уважением своего.

Его спутница в полумраке производила впечатление блондинки – хотя такое утверждение весьма сомнительно. Скорее всего, волосы у нее были мелированы, но статью, вне всяких сомнений, она отличалась отменной: очень миниатюрная, изящная и гибкая, она напоминала отдыхающую на ветви дерева после удачной охоты молодую рысь, отличаясь прямо-таки физически ощутимой юностью и свежестью.

Впрочем, у нас еще будет возможность дать более подробное описание наших молодых людей.

Но, хотелось бы предупредить сразу, эти молодые люди, хотя и займут важнейшее место в нашей истории, тем не менее, главными ее героями, видимо, не станут. Хотя, – как знать! – предоставим судить обо всем самому читателю, после того как он полностью ознакомится с текстом.

Здесь автор попросил бы читателя вспомнить, чем начиналась глава. Да! На этот раз дорога вела не героя к знаменательному событию его жизни, нет! Дорога вела само Событие к главному герою.

Что ж, теперь пришло время познакомиться с самим главным героем. К слову сказать, кому-то он запросто может показаться, скорее, антигероем.

Но, как говорить, – чем богаты, тем и рады:

Глава 3

Пробуждение героя (или антигероя?)

В голове было темно и пусто. Лишь на самом доньшке оглушенного сознания трепетала какая-то смутная мысль. Какая?

Душу беспокоила тревога, хотя причины ее тоже не осознавались.

Он с трудом разлепил веки и попытался осмотреться, чтобы понять, куда его занесло, но, увидев над головой знакомый, до самых мелких черточек изученный им, потолок, сразу испытал некоторое облегчение.

«Слава Богу! Все-таки я дома!» – сообразил он.

Но, несмотря на столь успокоительную мысль, тревога не только не исчезла, а, пожалуй, даже несколько разрослась.

Он слегка потер лоб влажной ладонью, пытаясь уловить ту смутную мысль, что вынудила его пробудиться, и наконец, тряхнув головой, кое-что понял – хотелось в клозет – прежде всего.

И второе – очень хотелось пить. При этой мысли, когда он попытался ощупать языком пересохшее небо, его кадык судорожно дернулся. Но проблема была в том, что намерение немедленно выбраться из постели и осуществить свои столь естественные желания, казалось совершенно неосуществимым – такой поход именно сейчас представлялся невероятно мучительным мероприятием. Потребовалось бы фантастическое усилие воли. А сил у воли почти не осталось – он чувствовал. Безусловно, надо было вставать, но он решил лежать до последнего.

Но, едва он такое решение принял, как та самая трудноуловимая мысль, с которой начался для него тот, как выяснится впоследствии, сложнейший день в его жизни, вдруг оттолкнулась от дна сознания и, озарив его яркой дугой, поднялась к самому верхнему краю и предстала там во всей своей полноте – все время до его слуха со стороны ванной доносился плеск воды.

«Черт! – в сердцах ругнулся он. – Забыл вчера выключить!» И далее мысли понеслись стремительно: «Залил соседей с нижнего этажа! Теперь опять хлопочи – ремонт им делай! А скандалы?!»

Его словно вскинула с постели взведенная кем-то внутри него жесткая пружина, но тут же виски пронзила острейшая боль. Все-таки удержав равновесие, что в тот момент оказалось довольно-таки непростой задачей, он застонал и, нащупав голыми ступнями разбросанные по полу шлепки, волоча ноги, словно стоя на лыжах, шаркая по истертому и потемневшему от времени паркету, не спеша, сообразив, что теперь-то торопиться не имеет никакого смысла, что пара лишних минут никакой роли не играет, поплелся в санузел – и едва не упал. На время приостановившись, он переждал, пока уляжется головокружение, а заодно и позыв тошноты, а затем двинулся дальше, упрямо нахмуренный, но уже полный решимости довести начатое до конца, как солдат на поле боя, готовый полечь костью ради выполнения приказа.

Свет в санузле горел – что было видно сквозь приоткрытую дверь. Потянув дверь на себя, он, изумленный, замер: в доверху наполненной ванной лежала она. Кто она, он не знал. Но – она была.

Мокрые, светлые, резко мелированные волосы, облепив короткими прядями ладную юную головку, хорошо подчеркивали ее красивую форму и посадку на изящной шее; прямые, еще совсем мальчишеские плечи отличались той некричащей грациозностью, которая привлекает к себе похотливые взгляды не только ровесников-подростков и молодых мужчин, но и мужчин более зрелого возраста; грудь – увы, ее грудь абсолютно нельзя было разглядеть, так как ее надежно укрывал слой обильно напеченной воды, но воображение нашего героя быстро дорисовало ему не только форму груди незнакомки, но и все остальные невидимые части ее тела. Глаза незнакомки плотно прикрывались веками – она словно спала, но по всему ощущалось, что такое простое лежание в воде приносило ей огромное удовольствие. Пар, подымавшийся кверху, искривлял пространство, и оттого лицо ее казалось почти загадочным и даже, можно сказать, потусторонним.

Пробыв в таком нелепом положении секунду или две, он, наконец, отпрянул назад.

– Извините, – только и смог он выдать из себя, притворяя дверь, когда заметил, что девушка лениво приоткрыла глаза и глянула в его сторону.

В ее взгляде изумления не было и в помине, более того – заметив его, она по-своему улыбнулась и тут же лениво вернула веки на прежнее место.

Происходившее выходило за пределы его понимания, но кое-что он все-таки сообразил: «Значит, мы знакомы, – подумал он нерешительно, притаившись в коридоре. – Но, черт побери, каким образом? Как она сюда попала?»

Оглядевшись по сторонам, осмотрев вешалку и ничего там не найдя, он скосил глаза вниз и под полкой для обуви углядел-таки летние светлые кроссовки небольшого, явно девчачьего размера. Не без труда наклонившись, он взял их в руки, поднес к самому носу и зачем-то понюхал, затем, недоуменно хмыкнув, вернул на место.

Он усиленно шарил по закоулкам памяти, истерзанной принятым вовнутрь накануне алкоголем, но – ответ там даже не брезжил.

Раздумывая, он прошел на кухню. Там его встретил полный бардак! – на расстеленной на столе газете стояла банка с маринованными огурцами и плоская тарелка с объедками тех же огурцов, между ними впокот валялась опорожненная досуха бутылка из-под водки, другая же – полная наполовину – стояла впритык к стене, а подле нее – выдавшая виды, с горкой нагруженная пепельница.

«Я же вчера ездил на днюху и пил там! – подивился про себя он. – Почему же дома такой свинарник?! И кто все это в себя влил? Неужели, я сам – в компании с нею?! Ну и дела!»

Не находились ответы и на такие, в общем-то простые вопросы.

В стене между совмещенным санузлом и кухней, под самым потолком располагалось небольшое оконце, под которым стоял довольно высокий и древний комод, на котором хозяин небольшой однокомнатной квартирki, находившейся на третьем этаже старого дома хрущевской постройки, куда мы с вами удосужились заглянуть, как правило, неделями коллекционировал немывую посуду.

Пытаясь освежить тусклую память, он передвинул к комоду ветхий стул, отгреб широким круговым движением руки накопившуюся там к тому знаменательному дню посуду и, используя стул, как ступеньку, забрался на комод, взгромоздив тело на согнутые в коленях ноги, чтобы вновь, и теперь уже исподтишка, но внимательнее разглядеть странную гостью со своеобразного наблюдательного пункта.

Девушка, ничуть не подозревая о столь недостойном порядочного мужчины по отношению к ней поведении, по-прежнему нежилась в ванной.

Он, поворачивая голову так и сяк, рассматривал ее в самых разных ракурсах, но тайна ее появления в его доме так и оставалась тайной, хотя он и успел пристально разглядеть ее узкие овальные коленки, торчащие над водой, и, как истинный ценитель женской красоты, безошибочно предположил исключительную стройность ее ног. Тут на беду он, забывшись, случайно задел стоявшую прямо у его колена грязную и пустую эмалированную миску, и та с грохотом сверзилась вниз и с неприятным и громким визгом закрутилась по полу, как волчок.

Девушка отреагировала на звук сразу, и как бы он живо ни постарался укрыться от взгляда в упор ее вдруг широко распахнувшихся глаз, она его все-таки успела заприметить, но, если б он задержался в своем подглядывании еще на секунду, то понял бы, что ее такой возмутительный его поступок нисколько не смутил и не рассердил, о чем красочно свидетельствовала та легкая и понимающая улыбка, что, соскользнув на ее губы, немного их искривила.

Слетев вниз с комода, уже не пользуясь стулом, как подставкой, немного подвернув ступню, он тут же прихлопнул пострадавшей ступней предавшую его миску, накрепко припечатав ее к полу. Затем, водрузив миску на место, быстро прошел в комнату и принялся напяливать на себя брюки – нельзя же, в самом деле, разгуливать столько времени почти голышом – в одних трусах! – пусть и по собственному дому, когда в доме обретается невесть кто и невесть как туда попавший, особенно, когда этот «невесть кто» представляет собой прямо противоположный пол, да еще и в виде далеко не самой худшей его представительницы.

Натянув на себя ради соблюдения приличий еще и майку с коротким рукавом, почему-то оценив предварительно свое отражение в висевшем у самого косяка входной двери в зал старом зеркале с облупившейся порядком амальгамой, он попытался пригладить включенные в тяжелом сне волосы, с неудовольствием про себя сей факт отметив, и, уже не так вяло, даже решительно, вновь направился к санузлу. Слегка пару раз стукнув в полотно двери, он немного ее приоткрыл и, не заглядывая за нее, стараясь, чтобы голос его звучал как можно беззаботней, спросил:

– Извини, ты скоро?

– Еще десять минут, Кеша, – немедленно, как ни в чем не бывало, донеслось отсюда. – А что ты хотел?

«Кеша? – спросил он у себя мысленно. – Какой еще к дьяволу Кеша? Разве я – Кеша? – и так же мысленно чуть погодя прибавил: – Узурпировала галюн, и еще спрашивает!»

Он кашлянул, но результаты размышлений незнакомке сообщать не стал, и вновь обратился к ней:

– Послушай! Мне бы это... До унитаза добраться.

– Да ты иди, не бойся, – как сто лет знакомому, отозвалась девушка, – я глаза закрою...

Ее непосредственность ошеломляла.

«Что за чертовщина! – яростно подумал он. – Какая нахалка! Как у себя дома! Можно подумать, что она здесь давно живет и прописана! Разговаривает, как с сожителем или как сестренка! – А у него ведь на самом деле была сестренка, но разве так она воспитана?! – Лизка никогда бы так себя не вела даже с ним, а не то, чтоб с кем-нибудь посторонним!»

Подумав так, он вторично кашлянул и, вновь немного приоткрыв дверь, решительно в образовавшееся пространство сообщил:

– Не-а, я так не могу.

– Скажите, пожалуйста, какой стеснительный! – тут же, без малейшей тени смущения в голосе, среагировала на его реплику странная купальщица.

Это уже было слишком!

Прикрыв раздраженно дверь, он еще немного подле нее в раздумьях постоял, а затем вернулся в зал и с ходу плюхнулся в массивное кресло. Только тут он обратил внимание, что диван, на котором он спал, был разобран во всю ширину, хотя он никогда так не делал прежде – за исключением тех случаев, когда у него ночевали женщины.

«Что же все-таки было? – сумрачно думал он, тупо разглядывая диван. – Я что, подцепил ее вчера где-нибудь по дороге домой? Или, быть может, она меня? Но тогда почему она называет меня Кешей? А был ли вообще секс?»

В принципе, ничего против секса с такой милашкой, он, конечно, не имел. Но, судя по тому, как он себя наутро чувствовал, его организм полностью отрицал наличие секса в его жизни прошедшей ночью. Да и, как правило, он в таком состоянии был просто не расположен им заниматься.

«Да меня, наверное, вчера вечером самого трахнуть можно было, а я б ничего не почувствовал. – С сарказмом подумал он. – Но тогда, возможно, я притащил ее к себе домой, потянул в постель, а сам попросту вырубился? Да, так вполне быть могло бы. Но тогда из-за чего весь сыр-бор? Упустить такую милашку! А с другой стороны, слишком уж по-свойски она себя со мной ведет. Так вальяжно себя дамочки ведут лишь после удачного секса, – решил он, – да и то, лишь до тех пор, пока не выпишешь им по такому счету тормоза. А если все-таки не было ничего? Тогда надо все у нее технично выведать, да и постараться наверстать упущенное немедленно! А то ведь, даже если что и было, ведь тело ничего не чувствует. Вообще, по совести говоря, на месте этой милашки сейчас должна была быть Лерка. Но насчет ее припоминается, что будто бы с нею изрядно поругался вчера».

Мысли не давали ему покоя, но цепь событий предыдущего дня в памяти никак не восстанавливалась. Он помнил, что вчера поехал на день рождения к Нике, которое отмечалось попросту, в домашних условиях – в целях экономии. Никин дом располагался на Староневском – неподалеку от Московского вокзала. Во время торжества Никой планировалось помирить его с Леркой, с которой он не виделся уже, наверное, с месяц; которая в свою очередь для подтверждения добрых намерений грозилась специально для него притащить с собой в Никин дом какого-то богатого клиента того рекламного агентства, где она работала – будто бы владельца крупной охранной фирмы; и развести дело так, чтобы тот крутик подыскал для него – Леркиного друга – теплое местечко с приличными лаве. Возможно, даже телохранителем. Но,

похоже, вместо примирения с Леркой, вышла ссора с самим крутиком – кажется, Николаем, а может и нет – тут уже все помнилось тускло, но вроде бы точно тот железно запретеновал во время пьяного застолья на то, чтобы стать Никиным женихом либо попросту пользоваться ее время от времени, попутно подбивая еще клинья и под Лерку. И, как ни печально, пришлось разбить тому Николаю нос. Что было дальше? Дальше ничего не вспоминалось.

Из коридора донесся, наконец, звук приоткрывшейся, а затем закрывшейся двери, следовавшие затем тихие звуки неторопливых шагов девушки, и в итоге она сама, в халатике, просушивая попутно волосы большим полотенцем, вошла в комнату, мило ему улыбнувшись сразу с порога.

«Халат, полотенце – все не мое!» – машинально отметил про себя он.

– Кеша, я все, можешь идти, – сообщила она и, усевшись в точно такое же массивное кресло, что и то, на котором восседал он, расположилась в углу комнаты у самого окна – прямо за журнальным столиком, который теперь их разделял, где несколько вычурно красовалась латиноамериканская соломенная шляпа с огромными полями – Леркин подарок на его день рождения годичной давности, и небольшая лампа светильник – тоже Леркин подарок, но не по случаю, а так просто – чтоб ей самой было уютно, когда она оставалась у него.

Слова девушки он проигнорировал – оставшись на прежнем месте, не шелохнувшись, он пристально и настороженно изучал ее. Да, он не ошибся: она действительно оказалась весьма привлекательна лицом и чудесно скроена телом.

Хотя и понимая, что ее изучают, она все же оставалась непринужденной или, по крайней мере, старалась именно так выглядеть. Вновь мило улыбнувшись, она слегка наклонилась вперед и совершенно неожиданно для него извлекла из-под столика большую дорожную сумку, которую он до того момента не замечал, и принялась доставать из нее вещи: фен и косметичку водворила на столик – рядом со шляпой, потом достала огромную куклу-пупса, которая занимала, наверное, не меньше половины всего объема сумки и, оглянувшись по сторонам, подыскивая подходящее по ее мнению место для своего монстра, наконец, «дотумкала»-таки пристроить эту несуразицу позади себя – сверху на спинку кресла.

Заметив тот весьма недружелюбный взгляд хозяина, которым он отследил столь дикое (по его мнению) перемещение пупса, она вновь улыбнулась и невозмутимо продолжила свое черное дело: аккуратно выпластала из сумки комплект одежды на тремпеле и, секунду подумав, вскочила с кресла и все так же невозмутимо пристроила его поверх гардин, зацепив крючком за перекладину ломбрикена. Помещение наполнилось тонким и приятным ароматом французских духов. Затем вынула из сумки пару туфель и, вмиг осмотревшись, попросту поставила их на телевизор.

– Пусть пока здесь постоят, – как нечто само собой разумеющееся, сообщила она, констатируя свершившийся факт.

«Девчонка совсем распоясалась, – гневно подумал хозяин, – пора тормоза выписывать!» – но, тем не менее, решив досмотреть весь спектакль до конца, смолчал.

Девушка же вновь плюхнулась в кресло, попутно одарив хозяина самой обезоруживающей улыбкой, на которую только оказалась способна, и, выдернув из розетки нависавшей прямо над столиком штепсель светильника, воткнула вместо него вилку своего фена и принялась с видимым удовольствием сушить и укладывать свои не длинные, устриженные в каре, волосы.

Чтобы хоть как-то снять нараставшее внутри него напряжение, хозяин резко поднялся с кресла, быстро и привычными движениями скатал постель, водрузил ее на антресоль одного из шкафов старого, как почти все в его доме, гарнитура, и, собрав диван, вновь уселся напротив девушки.

Девушка осторожно наблюдала за его манипуляциями.

Пауза явно затягивалась – настолько, что даже девушка, несмотря на найденное и вполне удобное для себя занятие, начала чувствовать себя не в своей тарелке.

Хозяин с ужасом обозрел всю комнату, в которой девушка, что называется, выражаясь фигурально, пометила все углы, и с еще большим ужасом вновь вперился в свою странную, ничем непроницаемую гостью. Впрочем, если б он в то время оказался способным мыслить объективно, то не мог бы не согласиться с тем утверждением, что присутствие вещей девушки и, самое главное, ее самой в его одиноком жилище очень скрашивало привычное ему, но столь убогое холостяцкое убранство вокруг.

Подсознательно чувствуя, что что-то идет совсем не так, как должно и хотелось бы, девушка решила разрядить гнетущее молчание.

– Выспался? – спросила она с невинной улыбкой.

– Да, очень, – угрюмо ответил он репликой дяди Вани из одноименной пьесы Чехова и, вдруг решительно поднявшись, направился в санузел, чтобы наконец-то сделать все то, что собирался сделать с самого начала дня.

Наскоро облегчившись, он затем тщательно, но все также спешно вымыл с мылом голову, с ожесточением вгрызаясь ногтями в кожу, не забыв захватить шею и лицо, и, набросив на плечи полотенце, вернулся в комнату, на ходу не очень-то прилежно обихаживая влажные волосы расческой, и, вновь устроившись рядом с девушкой, твердо уставился в ее чуть раскосые большие глаза требовательным взглядом, внутренне накручивая себя на безотлагательный и самый, что ни на есть, откровенный разговор с нею.

Она же, все еще продолжая орудовать феном, встретила его самой приветливой улыбкой из своего девичьего арсенала и, едва он присел, радостно сообщила:

– Костя, наверняка, уже скоро подойдет. Он побежал по делам позвонить, чтобы не разбудить тебя разговором. Да и по межгороду тоже, домой. Там волнуются – мои родоки и так на ухах стоят, что я с ним встречаться стала, а тут еще укатила в такую даль без разрешения. Надо же сообщить, что мы как-то устроились, а у тебя же, ты вчера предупредил, «восьмерка» заблокирована, ведь так?

– Так, – выпалил он, словно огрызнулся, пытаюсь переварить всю ту, на его взгляд, полную ахинею, которой «пальнула» в его уши девушка. – Кенты приходят и начинают названивать своим телкам на мобилы. Потому и зарубил!

– Вот, вот! – тут же согласилась девушка. – И правильно сделал, – одобрила она.

Только теперь до его сознания дошло сказанное девушкой в предыдущей реплике слово, и потому он ее быстро перебил:

– Костя?!

– Ага, – невозмутимо кивнула в ответ девушка, будто речь шла о чем-то совершенно естественном.

«Во что я влип?!» – со страхом спросил у себя он и, чувствуя, как спина его от самых недобрых предположений моментально покрылась испариной, решил без промедления перейти в наступление:

– .Слушай, ты кто такая? – без обиняков спросил он, прищурившись – после некоторой ступорной паузы, когда собирался с духом.

– Я?! – искренне изумилась девушка.

– Ты, ты! – разъярился он. – Кто же еще? Кроме нас двоих здесь никого нет.

Девушка недоуменно пожала плечами и ответила:

– Ты, что – забыл? Я – Мария!

Но тут он резко ее перебил:

– Я не о том! Меня совершенно не интересует, как тебя зовут. Как ты сюда попала?!

Услышав его последний вопрос, она с явной неохотой выключила фен, которым до сей поры все продолжала пользоваться, и, вздохнув, положила его на столик, а затем с вопросительной настороженностью взглянула на него.

– Ты, что – ничего не помнишь? – недоумевающая, спросила она.

– Неважно! – отмахнулся он от неприятного вопроса.

Тогда, вздохнув вторично, она приступила к объяснениям:

– .Вчера мы с Костей сошли с московского поезда... Мы двадцать четвертым сюда добились, – зачем-то козырнула она такой подробностью, хотя ее собеседнику, очевидно, все подобные детали были, что называется, абсолютно «по барабану». – Мы же тебе вчера все рассказали.

– Что именно? – мрачно поинтересовался он.

– Ну, к примеру, что мы не москвичи. В Москву притащились из самой Алма-Аты... Оттуда до Москвы мы на семерке-восьмерке добирались, – вновь и с какой-то необъяснимой гордостью блеснула она очередной подробностью.

– Да оставь ты в стороне такие мелочи! – разозлился он. – К чему ты мне их сообщаем?

Она с виноватым видом пожала плечами:

– Ну, не знаю... Просто, я первый раз так путешествую. А от Алма-Аты ваш Питер очень далеко, да и дорога по карману, знаешь, как бьет!..

– Короче, Склифасофский! – грубо перебил он ее небезызвестной репликой из советского небезызвестного же фильма, демонстрируя нетерпение.

Вполне возможно, что она так странно говорила, чтобы собраться с мыслями, понимая, что для нее и ее спутника возникли, казалось бы, уже улаженные трудности.

Будучи еще более сбитой с толку его грубым окриком, она все же смогла снова овладеть собой и продолжила:

– Ладно, хочешь короче – будем короче, пожалуйста! В общем, мы встали в очередь на стоянке такси на вокзале, а ты вскоре очутился вслед за нами. Тебя еще две какие-то девушки провожали и парень, причем с девушками ты сильно ругался, а они, на мой взгляд, были очень даже ничего...

– Оставь свое мнение при себе, – строго потребовал он.

– Оставляю, – не стала перечить она. – Короче, наша очередь подошла, и Костя назвал адрес моей тетки по материнской линии на Васильевском острове – она здесь поблизости как раз живет. А тут одна из твоих приятельниц, услышав Костины слова, схватила его за локоть и очень просила взять тебя в наше такси, так как ты живешь в той же стороне, а заодно и приглядеть за тобой по дороге...

– Лерка, наверное, – уже более спокойным тоном, задумчиво вставил ее собеседник, с осязательным удовлетворением отметив про себя новость о существовании тетки.

– Ты ведь очень возбужден был тогда! – с некоторой радостью, очевидно, от того, что разговор, казалось, принимал более приемлемый для нее оборот, воскликнула Мария. – Все рвался куда-то вернуться и кого-то не то добить, не то прибить.

Хозяин квартиры заметно и с неудовольствием поморщился.

– Помнишь?! – с еще большим и неуместным в данном случае воодушевлением, поинтересовалась она.

– Допустим, – уклонился он от прямого ответа. – Дальше!

– А что дальше? – удивилась она и, с показным сочувствием вздохнув, заметила: – Все-таки ни черта ты не помнишь! Дальше, можно сказать, все! В пути вы с Костей словно бы побратались, как он выразился, и ты пригласил нас к себе пожить. Нам с месяц где-нибудь здесь перекаптоваться надо, – быстро пояснила она. – Мы могли бы, конечно, у моей тетки поселиться, но – сам понимаешь! – родственники... Пришлось бы шифроваться от них, спать

раздельно. Мои предки и так в бешенстве, что я с кем-то из Алма-Аты на такое время и в такую даль укатила. А в гостинице – тоже не сахар! – уйма денег улетит...

– Значит, я предложил? – с ядовитым сарказмом спросил он, пристально и с явно выраженным недоверием глядя прямо в глаза девушке.

– Ну, да... – кивнув, извиняющимся тоном подтвердила она, и вкрадчиво предложила: – Слушай, ты бы пошел, похмелился. Там на кухне после вас с Костей, кажется, еще осталось. Он у меня, кстати, тоже выпить не дурак. – Тут она вдруг встрепенулась: – Ах, да! Костя ведь тебе триста баксов еще дал – за жилье.

Тут в свою очередь встрепенулся ее собеседник:

– Триста баксов? – переспросил он.

– Точно, – кивнула она, подтверждая.

– Где они? – резко спросил он.

– Там, где ты вчера их положил. В шкафу на полке лежат.

Он одним движением вскочил с кресла и подошел к гарнитуру, но, ничего там не увидев, обернулся к Марии:

– Где? – повторил он вопрос.

Она подбежала к нему и показала – под старой треснутой сахарницей действительно лежали деньги. Он взял их в руки и с сомнением на них посмотрел.

– Да ты не бойся! – оживленно воскликнула Мария. – Мы не собираемся тебя обманывать! – стараясь его убедить, добавила она, по-своему истолковав его сомнение.

– А я и не боюсь! – криво усмехнулся он. – Придет твой Костя, заберете свои деньги и пойдете подыскивать себе новое жилье. У кого хотите – хоть у родственников – у тетки-щетки, хоть у кого попало. Свалились тут на мою голову! – И он шагнул широко в сторону своего кресла и, усевшись, не без ехидства взглянул на нее. – Как тебе такая перспективочка?

– Как же так, Кеша! – в полной растерянности произнесла она. – Ведь так же нельзя...

– Можно! – крикнул он яростно. – Еще как можно! Понаехали тут! – Вдруг он снова вскочил и быстро приблизился к ней. – И почему ты все время называешь меня Кеша, а?! Я – не Кеша! Я – Геша! Запомни! Геннадий, то есть... поняла?

Она быстро кивнула, а затем попыталась обескуражено извиниться:

– Ты прости... Вчера нам послышалось... Действительно, как-то неудобно..., Хорошо, Геша – так Геша. Будем называть тебя правильно. Ты только не обижайся так, ладно?

– Послышалось, показалось, – злобно проворчал он. – Если кажется – креститься надо, – выстрелил в Марию Геша банальной остротой напоследок.

Вдруг она снова встрепенулась и более живым голосом предложила:

– Слушай, а давай я тебе укладочку сделаю, а?

Он уничтожающе глянул на нее – она на протяжении всего их разговора, не смотря на всю свою соблазнительность, показалась ему немножко дурочкой, и прыснул:

– Укладочку? Мне?!

– Ага..., – невозмутимо кивнула она.

– Черта с два тебе, а не укладочку, – отбрил он, вновь обескуражив ее.

Она медленно прошла к своему месту и, усевшись, на всякий случай, еще раз вопросительно взглянула на Гешу, но тот сохранял на лице полную неприступность. Тогда плечи ее как-то опустились, ужались куда-то, и Мария стала выглядеть совсем как маленькая, кем-то сильно обиженная девочка, каковой, в сущности, она и являлась.

Он был так груб с нею – этот Геша, но, даже не смотря на грубость, чем-то ей нравился – возможно, тем, что оказался таким похожим на Костю: столь же высокий, стройный, только волосы светлые, с таким же дерзким и красивым разворотом плеч, а возможно чем-то другим, необъяснимым – кто знает!

Так как все возможности для удачного завершения тяжелых переговоров с таким неуступчивым партнером были исчерпаны, оставалось только ждать прихода Кости.

Она отвернулась к окну.

А за окном, приветствуя солнечное майское утро, радостно пели птицы.

Глава 4

Зеленый

Предупредим сразу, что Гешу и Марию мы с вами оставляем ненадолго.

Теперь же, пока у нас есть время, постараемся представить вам еще одного героя повествования – нет, нет, не Костю – дойдет и до него очередь, а совсем другого человека, который, хоть и не приобретет большой значимости в наших глазах к тому моменту, когда будет поставлена финальная точка, все же окажется весьма заметен с точки зрения влияния на судьбы тех персонажей, которых, как мы надеемся, читатель полюбит.

В то время, когда Геша в своей квартирке на Васильевском острове столь враждебно обходился с Марией, на другом конце города – тоже в однокомнатной квартире, но расположенной на седьмом этаже восьмиэтажного панельного дома, высившегося среди таких же коробок неподалеку от станции метро «Черная речка», происходила неприятная сцена.

Обстановка квартиры сразу выдавала в ней одну из тех квартир, которые сдаются по объявлению в наем, причем не профессиональными риэлторами, а самыми обычными людьми, которым подвалило такое непомерное счастье, что в их распоряжении вдруг на время или навсегда очутилось лишнее и никем не учтенное жилище – кто-нибудь из близких помер, например, или, будучи признанным недееспособным, угодил навеки в психушку, или же, допустим, какой-нибудь близкий родственник неожиданно разбогател, переехал в более приличествующие новому статусу апартаменты, а некондиционную – по меркам новых богатых – квартирку попросту подарил бедным родственникам. Бывают и такие везунчики!

Человек, который вот уже несколько последних месяцев арендовал это неприятзательное жилое пространство, в данную минуту с удобством и расслабленно откинулся в мягком, с протертым на сгибах драпе, кресле времен Брежнева, воткнутым в самый угол, и старался получать причитавшееся ему удовольствие в той мере, в какой только возможно. На вид ему было что-то около тридцати двух – тридцати трех лет. Судя по всему, мы могли бы отнести его к тем лицам, которых обычно в полицейских сводках именуют «лицами кавказской национальности», хотя, в отличие от большинства подобных лиц, он явно не отличался крепким физическим сложением и волевым оскалом своего кавказского лица, но можно предположить, что природа сполна одарила его алчностью и хитростью – о чем красноречиво свидетельствовала нижняя, оттянутая вперед, влажная губа его рта.

Прямо перед ним, явно ощущая некий физический и внутренний дискомфорт из-за своего нелепого положения, склонив шею и руками обхватив бедра мужчины, на коленях стояла девушка. Лица ее в такой позе и под нашим ракурсом, так же как и возраст, разглядеть не удалось бы, но было видно, что одета она уже наверняка к выходу, а по одежде сразу угадывалась ее принадлежность к тем особам, которых мы, как правило, называем «женщинами легкого поведения», таким чудовищным образом ставя на всех других женщин клеймо «женщин тяжелого поведения». От того, что она, очевидно, не отличалась большой гибкостью натруженного тела, ее ступни не были оттянуты назад вдоль и поверх облезлого паласа, а упирались в него самыми носами туфель – отчего ее ноги в целом напоминали стальные изогнутые крючья для подвешивания мясных туш в промышленных рефрижераторах.

В таком вот положении девушка, хоть и без ощутимого воодушевления, но весьма профессионально, смачно и прилежно делала мужчине утренний минет на прощание – он задержал ее уже на самом пороге, вдруг властно заявив: «Возвращайся! Я тебя снова захотэл».

В ту секунду, когда раздалась настойчивая трель старенького телефона, мужчина с самодовольным прищуром смотрел на макушку девушки. Незнакомец с явным неудовольствием покосился в сторону столика, на котором стоял телефон, но, чуть подумав, все-таки поднял трубку:

– Здорово, Зеленый! – громко донеслось оттуда – настолько, что слова отчетливо слышала и та особа, что блестяще исполняла профессиональный долг.

– Костя, ты! – с наигранной радостью воскликнул временный хозяин задрипанного бунгало, и тут же жестко, уперев раскрытую пятерню в темя девушки, добавил: – Обажди! Слышишь?! Нэ мэшай, нэ мэшай, гаварю!

– Я, – отозвалось из трубки. – Кто там у тебя? Говорить можешь?

– Магу, – успокоил звонившего тот, кого, надо полагать, звали Зеленым, и тут же вновь прикрикнул на девушку: – Я же тэбэ сказал – сыди спокойно! – И, опять прикинувшись к трубке ухом, раздраженно и походя, прибавил: – Мэшаешь тут! – И только затем поинтересовался у звонившего: – Ты в Пытэре?

– Я же тебе сообщал, – послышалось в ответ, – тринадцатого буду здесь. А сегодня уже утро четырнадцатого. Мы вчера вечером как раз прибыли.

– Как дабрался? Гдэ устроился? – вновь поинтересовался Зеленый.

– Нормально, не жалуюсь.

– Гдэ? Давай тэлэфон.

– Не, Зеленый, лучше я тебе сам звонить буду, когда потребуются. Надеюсь, я не зря сюда притащился? – поинтересовался звонивший в свою очередь.

– Канечно, дарагой! – поспешил успокоить его Зеленый.

В тот момент девушка, видимо, устав от напряжения, пытаясь несколько переменить позу, немного заерзала, и Зеленый мимоходом и с наслаждением всадил ей в самую макушку звонкий щелбан.

– Когда игру устроишь? – спросил в ту секунду тот, кого, надо полагать и звали Костей.

– Скоро, Кот, скоро, – вновь успокоил его Зеленый. – Тут, мэжду прочим, уже есть адни. Сабираются сэгодня вэчером. Пайдешь?

– А они того стоят?

– Стоят, дарагой, стоят! Тонн по дэсят у них всэгда вэртится. Еслы у тэбя стоко есть, влэзай к ним. Для начала нэплохо, да? А затэм я тэбе лучше найду – ты мэня знаешь!

Звонивший чуть помедлил, но, скорее, для проформы.

– Ладно, Зеленый, добро, такие бабки у меня найдутся, если че..., – согласился он. – Только, надеюсь, ты после мне кого-нибудь посерьезней надыбаешь. Лады?

Зеленый осклабился:

– Какой разговор, дарагой! Обэщал же! Сэгодня после абеда звани, ладно?

– Договорились, – вновь донеслось из трубки. – Пока, Зеленый!

– Пока, – усмехнулся Зеленый и положил трубку, а затем, ухватив девушку за волосы, открывая взору ее лицо, поднял голову: – Эй, ты! Ты еще помнишь, как мэня зовут?

– Забыла, – сглотнув, отозвалась та виновато.

– Мэня зовут Ки-няз, – по слогам продекламировал он, хищно глядя ей в глаза. – А друзья из уважэния называют мэня Князь! Запомни, дура!

– Угу! – кивнула та.

Зеленый удовлетворенно усмехнулся и, дернув ее вновь за волосы, ткнул лицом в прежнее место. – Тагда, давай, лакомься, дэвушка. И учти, – он у мэня блэстэтэ должен!

Она перечить ему не стала. Ей было, наверное, не больше восемнадцати – милое славянское лицо.

Когда же Зеленый получил полное удовлетворение, и девушка, наконец, поднялась с колен и, выжидательно на него глядя, отерла ладошкой рот, он понимающе и с высокомерием

ей усмехнулся, а затем неспеша взял со столика лежавший на нем портмоне и, все еще усмехаясь, отсчитал купюры, а потом, метнув в нее презрительный взгляд, швырнул купюры на пол.

Понимая, что ее унижают, бедняжка несколько замешкалась.

– Бэри свои дэньги и праваливай отсюда, – поторопил ее Зеленый. – Панадабишься – я тэбя найду. Двэрь сама откроешь, разбэрьешься.

Девушка, вздохнув, собрала купюры и молча удалилась.

Вообще, складывалось впечатление, что кавказский акцент Зеленый педалировал намеренно – быть может, только затем, чтобы придать себе уверенности и больше веса в глазах тех, с кем ему приходилось общаться. И иногда у него такое получалось, хотя, скажем уже сейчас, он был отъявленным трусом – в отличие от тех решительных и отважных представителей кавказских племен, каковых мы с вами знаем.

Ведь не зря же его прозвали Зеленым!

Глава 5

Приимный дом

Тем временем в доме у Геши опять и всю работу фен – Мария, беззаботно щебеча, хлопотала над прической хозяина квартирки – не выдержав гнетущего молчания, она все-таки вновь и как можно мягче завела разговор об укладочке, и он, скрепя сердце, с выражением на лице полного безучастия и некоторого даже презрения все-таки согласился; хотя, конечно же, он лукавил – вероятнее всего, ему попросту захотелось ощутить на себе прикосновение рук девушки.

Мужчины, даже самые бесхитростные, порою в исключительных случаях ведь тоже становятся способными на лукавство, не так ли? Особенно, когда дело касается привлекательных женщин.

– Слушай, а тут вообще твоя квартира или не твоя? – невинно поинтересовалась девушка, с удовольствием и на свой вкус зачесывая Гешины волосы. – Или ты просто здесь живешь?

– Моя, – нехотя буркнул он сквозь зубы, ощущая тем временем те приятные мурашки на коже головы, что пробудили там ловкие и нежные руки Марии.

– Очень милая квартирка! – с каким-то снисходительным и покровительственным оттенком в голосе, который Геша сразу же, почувствовав в душе неприязненный холодок, уловил, воскликнула она. – Уделана, конечно, сильно. У тебя же есть девушка! Та ведь, что за тебя на вокзале беспокоилась, твоя, видимо? Куда она смотрит?! Если здесь сделать хороший ремонт, заменить эту рухлядь, – Мария сделала пренебрежительный круговой жест той рукой, в которой держала расческу. – Тогда будет очень даже ничего – вполне можно будет жить. Не хуже, чем другие.

– А сейчас, что ли, нельзя? – съязвил он. – Сама, однако, собираешься!

– Нет, почему?! Можно жить, само собой, и так. Но – надо стремиться к лучшему, – парировала девушка.

– Лет-то тебе сколько, путешественница? – несколько мягче поинтересовался Геша.

– Какая разница?! – с легким смущением воскликнула она.

– Ну, а все-таки?

– Ну, восемнадцать, допустим, – как-то неуверенно ответила Мария. – А что?

Геша усмехнулся: он был почти уверен, что она несколько прибавила.

– Чему ты улыбаешься? – насторожилась она. – Нашел, о чем спрашивать! Давай, лучше об обустройстве твоего жилья поговорим. Я тебе предлагаю вместо твоего зачуханного гарнитура...

– Кто вообще такой – твой Костя? – пресекая ее разглагольствования, постаравшись смелить таким образом неудобную для него тему (девушка ведь была права совершенно – квартирка действительно выглядела убитой), поинтересовался вдруг Геша.

– А, так! – с напускной небрежностью откликнулась на вопрос Мария: – Грек один знакомый. Приятель мой.

– Грек?! – с искренним удивлением воскликнул Геша.

– Ну, да, грек, – с легкостью отозвалась она, чуть отодвинувшись от Геши, с наслаждением подлинного художника любясь своей работой. – Ну, вот, совсем другое дело, – удовлетворенно протянула она. – Ди Каприо, не меньше! – одобрила она сама собственные старания и вернулась к прежней теме: – Странно, что ты и его не помнишь. Вчера можно было подумать, что вы кровные братья, которые встретились после долгой разлуки.

Геша пропустил ее замечание мимо ушей.

– А имя русское! – заметил он.

– Ага, сейчас! – возразила она с некоторым возмущением от такого невежества собеседника. – Константин – абсолютно греческое имя! У них, у греков тех древних – византийских, что ли? – даже император с таким именем был.

Геша не стал спорить – что-то подобное и он когда-то и где-то слышал. В тот момент на его и без того хмуром лице еще более и резко сгустилась тень:

– Слушай, а ты где спала? – настороженно спросил он.

– Как «где»?! – усмехнулась она, удивленно изогнув брови. – Рядом с тобою...

– Вот как! – подстегнул ее он.

– Ну, да, – невинно подтвердила она. – Не совсем, конечно, с тобою рядом – Костя бы мне потом такую сцену ревности закатил! – а так: ты спал с одного края, я – с другого, а Костя спал между нами.

До Геши стало доходить:

– Получается, – сверкая взглядом, грозно спросил он, – что я спал рядом с Костей?!

– Ну да! – вновь невинно кивнув, подтвердила она. – Что-нибудь не так?

Геша сумрачно хмыкнул.

Нет, разумеется, в его жизни складывались такие ситуации, когда поневоле приходилось спать рядом с парнями: допустим, с друзьями или однокашниками в Карельских походах в юности, на озерах, или, например, в армии, на марше, но – те ребята, как правило, считались для него своими, что называется, в доску – кентами! Да и не любил никогда Геша такие ситуации! – просто терпел со скрипом по необходимости. А тут! – какой-то, блин, Костя-грек...

В воображении Геши вдруг предстала жуткая картина: он сам и Мария ночью на постели, и спящий между ними парень. Все бы ничего, но почему-то воображение представило ему парня страшно черным, с телом, покрытым густой растительностью; мало того, – парень, за каким-то, блин, чертом, вальяжно запрокинул на грудь Геши свою волосатую руку и – что выглядело совсем уж диким! – перекинул через бедра Геши свою еще более волосатую ногу.

На Гешином лбу выступили капельки пота.

– В коридоре же, во встроенном над входом в зал шкафу еще один матрас есть! И подушка! – специально для кентов держу, когда они ночевать остаются! – зло вскричал Геша. – А на тех антресолях, – он кивнул в сторону стенки, – на средних антресолях постельное белье про запас – раз уж вы не удосужились такую мелочь с собой захватить! На халявное жильё рассчитывали, а белье – по-вашему – тоже на халяву должно быть, что ли?!

– Но откуда нам было знать про другую постель?! – сильно смутившись, возразила ему девушка. – Вы с Костей так много выпили! Кстати, ты не подумай, что мы тебя раскрутили – Костя сам водку взял. Ты поначалу, казалось, вроде бы отрезвел, а когда дома выпил – такой пьяный стал! Напился, как... как... – она замешкалась, подыскивая слово.

– Как свинья, что ли? – с сарказмом подсказал Геша.

– Ну да! – обрадовавшись подсказке, с готовностью кивнула Мария, но – тут же спохватилась: – Ой, я не так, конечно, хотела сказать. В общем, ты напился, а затем перешел на какой-то непонятный язык – мы с Костей ничего от тебя добиться не могли...

– На испанский? – перебив ее, мрачно поинтересовался Геша.

– Слушай, откуда я знаю?! – урезонила его девушка. – Может, и на испанский.

Геша усмехнулся:

– Да на испанский, конечно! Фигня со мной такая – когда хорошо выпью, меня на испанский так и тянет.

Тут, возвещая спасение Марии, из коридора донеслась трель звонка у входной двери.

– Ой, это Костик! – радостно встрепенулась она. – Я побегу, открою, – и, не дожидаясь от Геша разрешения, сорвалась с места и понеслась к двери, походя бросив на журнальный столик ненужный уже, но все еще работающий фен.

Преодолевая шум фена, до ушей Геша из коридора донесся звук отпираемого замка, затем отворившейся двери, а потом оживленные, но пониженные до шепота голоса вошедшего и девушки. Геша попытался прислушаться к их разговору, но ничего не вышло – фен начисто все забивал. Отключив занудливое устройство, Геша повторил попытку, но и тогда ничего не смог разобрать. Потому он попросту стал ждать, уже смутно предугадывая свою будущую незавидную участь.

Наконец, парочка вошла в зал.

Парень оказался совсем не таким, каким предстал в давешнем видении Геша – он был, можно сказать, весьма импозантным или даже аванажным: высокий, стройный, светлокожий, без особой растительности на руках, выглядывавших из-под майки с короткими рукавами, темноглазый и темноволосый – он, несомненно, отличался той чарующей красотой, которая как магнит действуют на женщин всех возрастов, – что с легким чувством зависти отметил про себя Геша.

Нет, Геша и сам считал себя – и не без оснований – весьма недурным собою. Но, если можно так выразиться, он все-таки уступал вошедшему с точки зрения чисто внешних данных классом. Тот оказался уж очень хорош собою! Такие, если рождаются обделенными от природы остротой ума и талантами – всем, кроме внешности, – нередко становятся альфонсами богатеньких дамочек в молодости и жиголо в пожилом возрасте. Таких нередко можно встретить в казино и отелях на Лазурном побережье, – кто там побывал, согласится. Подумав так про себя, Геша, разумеется, даже испытал некоторое отвращение к столь красивому до неприличия парню, и ничего удивительного в том не было – думается, что многие мужчины, очутившись на месте хозяина квартиры, безусловно, испытали бы схожие чувства.

Кроме того, во всех движениях незнакомца и в его твердом взгляде сквозила та уверенность, которая свойственна тем мужчинам, что привыкли добиваться всех тех целей, которые ставит перед ними сама жизнь или же они сами. Как правило, они везде становятся лидерами – в любом обществе, в любой мужской компании: в нем чувствовалась та решимость, что не позволяет давать кому-либо спуску в любом вопросе, в любой конфликтной ситуации, в нем ощущалась способность всегда и во всем идти до конца.

Да, Геша, хоть и с неохотой, но все-таки признал – Марию вполне можно понять. О себе самом в таком плане – уверенности в своих силах – он в последнее время ничего положительного сказать не мог, хотя в его жизни случались и куда лучшие периоды. Но, – более подробно на личности Геша мы с вами остановимся несколько ниже.

Теперь же вернемся к нюансам «вторжения» – такое слово, вне всяких сомнений, очень даже подходит к той ситуации, которая развертывалась вокруг нашего героя.

Вторжение оказалось настолько триумфальным и помпезным, что Геше даже почудилось, будто при появлении незнакомца откуда-то прозвучал перебор по струнам «Ямахи» пальцами Карлоса Сантаны – какой-нибудь отрывок, например, из композиции «Amigos».

Вошедший на ходу жевал жвачку, не переставая. Едва очутившись в комнате, он остановился прямо напротив Геша и, скосив вниз на того глаза, плавно протянул руку для пожатия.

– Салам, старичок, – без тени неловкости начал он беседу.

Геша с неохотой вяло пожал предложенную руку, сопроводив действие репликой сквозь почти сжатые губы:

– 3-здравствуй.

Парень понимающе улыбнулся и, сразу пройдя в угол зала уселся на то самое место, где прежде помещалась Мария, и раскинулся там в довольно свободной позе. Побеспокоенный пупс свалился ему через плечо на колени. Недоуменно покосившись на куклу, он взял ее в руки и принялся машинально крутить ей голову, тем временем сосредоточив все внимание на Геше. Мария, пока все происходило, прошла следом за Костей к дивану и уселась там на самый краешек, держась прямо и с напряженной осанкой – напротив обеих парней, глядя на них выжидательным взглядом.

– Мария говорит, что у вас тут в мое отсутствие какие-то проблемы возникли, так? – поинтересовался Костя, с любопытством разглядывая собеседника, продолжая туда-сюда крутить голову несчастного пупса.

Вопрос был задан достаточно требовательным тоном.

Геша тем временем – тоже машинально – крутил в руках выключенный фен Марии. Услышав обращенные к нему слова, он оставил в покое фен, в сердцах, громыхнув им об столешницу, утвердил его там и исподлобья, затравленным взглядом посмотрел на своего мучителя.

– Да нет никаких проблем! – тем не менее, резко возразил он. – Просто я хочу вернуть вам деньги и разойтись с вами по-хорошему.

Костя метнул быстрый взгляд в сторону Марии и распорядился:

– Выйди пока отсюда.

– Я, что – вам мешаю? – возмутилась она.

– Да, мешаешь, – твердо, не оставляя никаких возможностей для пререканий, заявил ее дружок и настойчиво, подгоняя Марию к выходу, жестко прибавил: – Ну!

Девушка, всем видом демонстрируя характер, все же подчинилась и направилась к выходу из комнаты, но подчинилась как-то уж очень по-женски – дойдя до дверного проема, она даже и не подумала уйти куда-нибудь, скажем, в коридор или, еще лучше, на кухню – нет! – она прислонилась к косяку и приготовилась и дальше слушать то, о чем станут говорить парни, предварительно послав Косте несколько вызывающий взгляд, который тот, к чести его будет сказано, проигнорировал. Разве настоящий мужчина опустится до препирательств с настоящей женщиной? Никогда!

Костя не стал. Вместо того он вновь сосредоточил все внимание на возникшей сложности и продолжил прерванную беседу:

– Понимаешь ли, Кеша, – несколько церемонно начал он.

– Я – не Кеша! Я – Геша! Геннадий, то есть, – сердито оборвал его невольный партнер по переговорам.

Вдруг пупсу, как говорят в тех краях, откуда приехали к Геше незваные званые гости, пришел кердык – его башка-таки вывернулась из пазов туловища и осталась в руках у Кости, чем вновь привела того в легкое недоумение. Он в некотором замешательстве покосился на расчлененного бедолагу и оглянулся по сторонам, ища места, куда бы все части куклы можно пристроить.

Мария быстрыми шагами подошла к нему и отобрала у него свое сокровище, которое ее угораздило взять с собой даже в столь дальний путь, – видимо, дорожила им еще с самых девчачьих времен – впрочем, времена оные для нее, похоже, еще и не кончились.

– Робеспьер! – хлестко упрекнула она Костю и, также быстро вернувшись на прежнее место, принялась прилаживать пупсячью голову опять к телу – разумеется, все еще «держит ушки на макушке».

Костя, проводив подружку взглядом, недовольно кашлянул и, выражая согласие, кивнул собеседнику:

– Ну, Геша – так Геша, мне по барабану, – тут он обратил внимание на лежавшую перед ним шляпу и, представьте, сразу же не преминул взять ее в руки, а затем без всякой паузы принялся тереть ее руками – точно так же, как когда насилывал перед тем куклу.

Надо полагать, что руки его вообще никогда не знали покоя, и, когда ему ничем было их занять, он старался тут же найти для них что-нибудь подходящее.

Геша с заметной неприязнью покосился на руки гостя, которые теперь тискали его шляпу, но – ничего не сказал.

Костя Гешин взгляд проигнорировал и, вновь кашлянув, прочистил слегка горло и продолжил:

– Так вот, Геша! Вчера я тебя за язык, как говорится, не тянул. Ты сам нам предложил у тебя пожить, если че...

– Я пьяный был, – постарался быстро вставить реплику Геша.

– Понимаю! – с некоторой долей сарказма протянул Костя, и стало ясно, что Гешины слова не произвели на него ни малейшего впечатления. – Но и ты меня, старичок, тоже пойми: я на тебя понадеялся – то есть, на твое предложение нам зависнуть на время у тебя: с утра встал, отзвонился здесь по городу всем своим кентам – они у меня люди, в основном, все серьезные. Мы ведь с Марией сюда не просто так прикатили – на людей поглазеть, себя показать. Дела у нас тут, понимаешь?! Некоторым из кентов я твой номер телефона сообщил – мол, здесь меня искать будете, если че... Да и матери Марии позвонил, успокоил. Ее родители и так меня терпеть не могут, боятся за дочь. Вот позвонит сюда ее мать, а ее и след простыл. Что она подумает? А теперь ты собрался нас нагнать! Ты понимаешь, в какое положение нас ставишь, если че?

– Ты дал мой номер телефона? – с напряжением в голосе переспросил Геша. – А откуда ты... Откуда вы...

Костя, поняв его с полуслова, пояснил:

– Да ты же сам нам вчера его дал! Не уж-то не помнишь? Ты вчера, конечно, совсем другим был. Нетрезв, конечно, но мы думали, что ты и после будешь таким же гостеприимным. В общем, Геша, ты нам все дела порушишь. Ну, так че скажешь, Геша?

– Не знаю! – в полном замешательстве воскликнул Геша, и почти взмолился: – Ну не привык я, чтобы у меня в доме чужие жили!

Костя, где-то ему даже сочувствуя, пожал плечами и предложил:

– Слушай, старичок, если хочешь, мы еще баксов сто накинуть можем, если че...

– Да причем здесь деньги! – тут же отмахнулся Геша.

– Ну, не знаю, – вновь пожал плечами Костя. – Просто подумал, что, быть может, в этом решение вопроса, если че...

Геша тоскливо вздохнул.

– Я ведь вижу, Геша, – продолжал убеждать его Костя, – ты же из пацанов! Настоящих! И я из таких! А настоящий пацан – он и в Африке пацан! Так неужели же ты нас на улицу сейчас выставишь?! Подумай сам, как такое по-нашему – по-пацански! – выглядеть будет?

– Я из пацанского возраста уже давно вышел, – не очень-то решительно возразил ему Геша.

– Так и я вышел! – подхватил собеседник. – И что из того? Природу ведь не изменишь. Если уж стал пацаном – правильным пацаном, Геша, – им и помрешь. Ну, че скажешь, старичок?

Геша, разумеется, прекрасно понимал, что Костя, выражаясь языком улицы, попросту «давал ему расклад». И на круг выходило, что не прав именно он – Геша. А быть неправым – Геша не любил. Да и не бывал, кажется, никогда. Костя задел в его душе самую надежную для

исполнения своих целей струну. Но как все-таки Гешу «не прикалывала» такая перспектива – провести в компании этих двоих ближайшие три десятка дней, а то еще, упаси Бог, и больше! Но, – куда ни повернись, а везде вилы!

После затяжной паузы, во время которой его гости уже с искренним сочувствием, выжидая, смотрели на него, он, в очередной раз печально вздохнув, наконец, выдал из себя:

– Ладно, чего уж там, живите...

Костя тут же оживился, хотя его и прежде-то нельзя было посчитать унылым:

– Другое дело, старичок! – и, сказав так, с выражением полного дружелюбия на лице протянул в сторону Гешу руку над столиком: – Значит, по рукам? – подытожил он.

– По рукам, – без энтузиазма согласился Геша и, так и не пожав протянутую руку, вместо того сунул в нее фен Марии.

Костя, мельком посмотрев на очутившуюся вдруг в его руке вещь, невозмутимо, не обращая внимания на невежливый поступок Гешу, водворил ее на столик, а затем напялил на себя Гешину шляпу и, переведя взгляд на подружку, которая в тот момент как раз прошла к угловому шкафу стенки и втискивала туда на свободную полку реанимированного пупса, весело поинтересовался:

– Мария, как? Мне идет?

Геше вновь почудился торжественный звук сантановской гитары.

Та на его зов, покончив с обустройством пупса, обернулась. С сомнением оценив новый «прикид» дружка, усмехнувшись, вынесла вердикт:

– Как корове седло.

Костя несколько деланно рассмеялся, скинул шляпу обратно на столик и, показав на нее глазами, любопытствовал:

– Слушай, старик, что за хреновина такая?

Геша его юмора не поддержал:

– Это не хреновина, это подарок, – заявил он и тут же отодвинул шляпу поближе к стене – подальше от шаловливых рученок соседа.

Тогда Костя извлек изо рта отработанную жвачку и запросто, спровоцировав тем мгновенный гневный взгляд Гешу, пушенный украдкой, прилепил ее к краешку столика, одновременно беззаботно и успокаивающим тоном приговаривая:

– Ничего, старичок, сейчас я слетаю в лабаз, затарюсь продуктами, Мария нам чего-нибудь пожрать сварганит, сядем за стол, поедим, водочки малеха накатим. Небось, у тебя после вчерашнего головка бо-бо, а? Мы еще с тобой, старичок, подружимся... Если че, а? Все люди братья, если че... И столтник мы тебе все-таки добавим! Ну, что ты смотришь на меня так грустно? Не скучай, старичок. Вот что: пойдём-ка пока на кухню перекурим!

– Нет, я здесь пока посижу, – отказался Геша.

– Ну, ладно, – не стал настаивать Костя. – Мария, – окликнул он девушку, – пойдём со мной на кухню. Напишешь мне список, чего купить.

И, понимая, что хозяину нужно побыть некоторое время наедине с самим собой, они направились к дверному проему, на ходу со значением и хитринкой друг с другом переглянувшись.

По пути Костя обратил внимание на большой групповой снимок, стоявший в рамке в одной из ниш гарнитура. Группа представляла собой полностью экипированных бойцов в полевой форме – в бронежилетах, с калашами на груди, в банданах, с видневшимися из-за плеч притороченными к вещмешкам касками. Среди прочих можно было различить и Гешу.

На самом выходе из комнаты Костя, заметив фото, с нескрываемым интересом оглянулся на мгновение на понурившегося Гешу, но – ничего не спросил.

Геша остался один в полном смятении чувств.

«Гости, блин! – горестно думал он. – Да какие они гости! На гостеприимство они, видите ли, рассчитывали! Подыскали гостеприимного дурака с гостеприимным домом. Гостеприимным! Черта с два! Госте-приимным! Нет уж! Приемный у него какой-то дом оказался. Да, да – именно так: приемный дом, иначе не скажешь. Эх, пить завязать, что ли?»

Услышав его благое намерение, каковыми, как известно, вымощена дорога в ад, мы с Гешей на время расстанемся.

Глава 6

Странная парочка

Далее, перенесемся совсем немного в пространстве – на какие-нибудь считанные километры, и во времени – на каких-нибудь полчаса, и очутимся на той аллее, что разделяет стороны движения Большого проспекта все того же Васильевского острова, где и встретимся с очередными двумя персонажами нашей повести, на которых попросим обратить особое внимание нашего читателя, так как именно они только и могут авторитетно подтвердить всю подлинность рассказываемой нами истории.

Итак, неподалеку от одного кафе, в котором, по слухам, весьма неплохо готовили, хорошо подавали и вполне умеренно за брали, на одной из скамеек, расположенной на аллее под некоторым углом к парадной двери заведения, когда время уже перевалило слегка за одиннадцать и неудержимо стремилось к полдню, можно было заметить странную парочку.

Один из них оживленно что-то говорил, размахивая дипломатом, который держал обеими руками, словно отбивая такт словам, другой – слегка прищурившись и улыбаясь, изредка вставляя короткие реплики, слушал первого.

Первый из них выглядел более странным: ему, наверняка, было не меньше пятидесяти, и если б не седина, обильно покрывавшая его голову, в нем легко определился бы один из тех, кого мы причисляем, вторя вслед все тем же пресловутым полицейским сводкам, к «лицам азиатской национальности», но, учитывая только что озвученное обстоятельство, приходилось поначалу к нему приглядываться, напрягать свою сообразительность, и только затем, отметив про себя его широкоскулое лицо, несколько плоский нос и специфический разрез глаз, делать окончательные выводы о его расовой принадлежности.

Несмотря на тюркскую свою природу, по тому, как естественно и свободно говоривший себя чувствовал в окружавшей его обстановке большого северного города, без труда угадывалось, что живет он на Невских берегах уже давно, что удивить его здесь чем-либо трудно – он не глазел излишне по сторонам, оценивая взглядом прохожих, их одежду и повадки, не интересовали его и те редкие архитектурные изыски, которые можно было высмотреть в данном месте города.

Росточка от природы он выдался совсем уж невыдающимся, и как все люди подобного типа, отличался ярко выраженным холерическим темпераментом, что сразу же выкупалось в нем и по теперешнему поведению. Периоды такого бурного эмоционального всплеска, какой он явно демонстрировал теперь, у него, рано или поздно, как бывает почти у всех холериков и что подтверждается наблюдениями психологов, очевидно, сменялись периодами полного душевного упадка и тоски.

Из характерных черт его внешности стоит еще, пожалуй, отметить и небольшую жиденькую тюркскую бородку, которая несколько удлиняла и даже будто бы заостряла нижнюю часть его круглого лица.

Собеседник седого отличался от него разительно: довольно высокий и весьма плотный, с осанкой, намекавшей на тренированность крепкого тела, с открытым славянским лицом, на котором поблескивали очень живые смысленные глаза, слегка по привычке прикрытые чуть прищуренными веками, отчего в уголках его глаз прорисовывались сеточки мелких морщин. Седина успела к тому дню лишь чуть-чуть посеребрить русые волосы ему на висках и, пожалуй,

только поэтому он выглядел лет на сорок – скажем сразу, что столько ему и натикало на самом деле, а не будь у него седины – вероятно, ему легко б давали не более тридцати пяти.

Оба собеседника носили короткие стрижки.

На славянине был неброский светлый костюм, из-за отворотов которого выглядывал легкий сиреневый джемпер, с горловиной, венчавшейся воротником надетой под него синей рубашки, на ногах – уже весенние легкие и светлые кожаные туфли-корочки. Азиат оказался в темно-синем свитере с высоким горлом и джинсовой плотной куртке, накинутой на плечи.

Слушая приятеля, – а сразу как-то ощущалось при самом даже беглом взглядывании на обоих, что знакомы они друг с другом уже давненько и отношения их связывают самые теплые – крупный мужчина, не поворачивая головы, временами искоса бросал быстрые и постороннему глазу незаметные взгляды в сторону парадного входа в кафе, в котором до сих пор было довольно тихо – утренние посетители в таких местах, как нам известно, большая редкость, а обеденные еще не стали прибывать, – и потому служители и служительницы столь необходимого в нашей жизни заведения в тот час еще только готовились к приему гостей, нанося последние штрихи на уже почти полностью сервированные столики.

Судя по тому, как крупный мужчина за разговором машинально ощупывал рукой мышцы шеи, можно было догадаться, что оба кого-то ждут, коротают время, а обладатель мощной, как легко угадывалось, шеи немного нервничает.

Голосом говоривший обладал столь же забавным, сколь и внешностью: не по возрасту высокий, временами срывающийся даже на фальцет, его бойкий голос был слышен и в полутора десятках метров от скамейки. Такой голос нередко встречается у мужчин, которые – употребим здесь такое выражение – слишком уж «долго засиделись в девках» или, скажем более привычными словами, по непонятным для простого обывателя причинам всю свою жизнь прожили бобылем, так и не узнав, что же оно такое – семейный очаг.

– Слушай, Серега, – разглагольствовал маленький (он, безусловно, относился к тем натурам, которые всегда не прочь о чем-нибудь поболтать), есть у нас такой анекдот... Недавно появился – рассказали дома, когда в отпуску был... Совсем свежак, недавнишний. В общем, англичанин, грузин и казах фантазируют на тему о том, кем бы из животных они хотели стать, если б не были людьми. Ну, англичанин, значит, говорит, что желал бы в таком разе стать дельфином – мол, мы, англичане, морская держава, привыкли к просторам и свежему морскому воздуху, шуму моря – и так далее, и тому подобное. Грузин же, не раздумывая, решил, что тогда бы хотел стать орлом. Мы-де, грузины – кавказцы, то бишь, люди горные, гордые, хотим парить над всеми – и прочее, в том же духе. Дошла очередь решать казаху. Он – молчит, как воды в рот набрал, будто стесняется. Те ему: «Ну, говори, не молчи! Кем бы стать хотел?» А он возьми да и брякни, наконец: «А я бы, мужики, ужом, хотел стать». Те так и обалдели: «Как ужом? Почему ужом? Зачем?» А он им застенчиво так отвечает: «А можно лежа ходить».

Тот, кого говоривший назвал Серегой, вежливо посмеялся.

– Так что, Серега, – продолжил тот, который, как выяснилось, оказался стопроцентным казахом – настолько стопроцентным, что, как всякий истинный представитель своей нации, позволял относиться к ней весьма критически, – мы, казахи, еще ленивее вас – русских! – тут он указал дипломатом прямо на грудь приятеля.

– Ну, спорный вопрос, Бигеша, – усмехнувшись, возразил ему тот, кого звали Сергей, а затем метнул очередной взгляд в сторону кафе.

– Не, Серега, – услышав реплику, сразу засуетился тот, кого возразивший ласково назвал Бигешой, срываясь на фальцет и размахивая усиленно дипломатом. – Я тебе точно говорю! Когда Аллах делал народы, то почти всем давал какие-нибудь особые достоинства, помимо обычных, общечеловеческих. Англичанам – настойчивость, немцам – трудолюбие и прилежание, евреям ум и хватку, русским – терпение. А вот казахов он, видимо, сделал в числе послед-

них. Особенных достоинств под рукой уже не оказалось. Но ведь люди-то мы, в сущности, неплохие, а, Серега?!

Вместо ответа Сергей его одернул:

– Биген! Да не размахивай ты так дипломатом! Еще не ровен час откроется. Ты представляешь, что будет?!

Его замечание тот, кого, как уже окончательно выяснилось, звали Бигеном, попросту проигнорировал, как ни в чем не бывало, продолжив свой страстный спич:

– Смотрел Аллах на казахов, смотрел, и увидел – правильные-де они, то есть, мы, ребята. Отчего я их обидел? И полюбил казахов. Аллах, Серега, любит казахов! И тогда решил он нас чем-нибудь вознаградить. И тогда он нам дал... Как думаешь, Серега, что дал нам тогда Аллах?

– Что же, Бигеша? – подыграл ему Сергей.

– И тогда он дал нам нефть! – патетически воскликнул Биген. – И еще цинк, медь, свинец, уран – до хрена всего, Серега! Вот так Аллах нас любит!

– Аллах, Бигеша, всех любит, – вновь возразил ему собеседник и, подняв палец кверху, тоном и с имитируемым акцентом героя из кинофильма «Мимино» заключил: – Я так думаю! – шутливо, конечно.

– Ясен перец, Серега – всех! – поспешно согласился с ним Биген. – Но казахов – особенно! – Тут он будто бы опомнился и огляделся по сторонам. – Пора бы уже. Я тут даже продрог слегка – ветер с Невы дует прохладный, – он взглянул на часы и протянул: – Да – время! А вдруг не приедут, а? – встрепенулся он.

– Приедут, куда денутся, – успокоил его приятель. – Мы их, похоже, крепко зацепили. Ты не волнуйся, лучше еще чего-нибудь расскажи.

– Правда?! – сразу воскликнул Биген воодушевленно. – За мной не заржавеет! – уверенно пообещал он и тут же наморщил лоб, подыскивая волнительную, по его мнению, тему для продолжения разговора.

Глава 7

Символ независимости

Но – давайте вернемся в скромную холостяцкую квартирку Геши и попробуем его в ней найти.

Не сомневайтесь в целесообразности такого поиска – увы, удалось бы не сразу, ибо в текущий момент времени нашего повествования он прятался в собственном доме от собственных же постояльцев. И, где бы вы думали, он надоумил себя прятаться? Вопрос, конечно, интересный!

Не будем томить читателя напрасным ожиданием ответа на столь странный вопрос, и просветим его на сей счет без промедления: Геша передислоцировался в то не очень-то благоухоающее место, которое в армейских казармах и бараках мест заключения принято именовать отхожим – устало понурившись, облокотившись одной рукой на раковину, он безучастно сидел поверх крышки стульчака унитаза, дабы хоть какие-нибудь минуты побыть в том самом состоянии, прелесть которого в последние два-три года удосужился оценить по достоинству – в состоянии одиночества.

Откуда-то с кухни до его заторможенного сознания доносился беззаботный голос Марии и редкие короткие реплики Кости, а в ушах у Геши мерещились грустные переборы сантановской гитары (скажем к слову, что творчество этого незаурядного музыканта Геша очень любил).

– Геша! Геша, ты где? – вдруг попытались голоса пробиться до сознания нашего неудачника, но – он не реагировал.

Наконец, дверь санузла распахнулась, и на пороге предстал Костя. Оценив нелепое положение нашего героя, он, преодолевая неловкость, кашлянул и, стараясь остаться невозмутимым, сочувственно поинтересовался:

– Ты чего здесь делаешь, Геша?

– Сижу, – последовал мрачный ответ.

– А! – с пониманием протянул Костя, и сообщил: – Слушай, там Мария уже на стол накрыла, пойдем, позавтракаем, а? – предложил он и тут же поправился: – Или пообедаем... Что там у нас – уже обед? Я не знаю...

– Пойдем, – безрадостно согласился Геша, со скрипом вставая с унитаза.

– Добро, ждем, – оживленно откликнулся Костя и, немного прикрыв дверь, покинул временное Гешино убежище.

Прежде чем покинуть пристанище, Геша, непонятно зачем, дернул за пимпочку сливного бачка, и потому его выход оттуда сопровождался неуместным и громким ворчанием воды в канализационных трубах.

Очувтившись на пороге кухни, он в нерешительности там остановился – Костя занял тот табурет, что помещался в самом углу у окна.

– Геша, ты че стоишь, как не родной? – радушно и по-хозяйски окликнул его Костя, заметив Гешино замешательство.

– Это мое место! – предъявляя свои права, угрюмо заявил Геша.

Костя спохватился:

– Без проблем, старичок! – сразу отозвался он на сделанное заявление и, не мешкая, захватив с собой свои тарелку, вилку и кружку с чаем, поднялся и, стараясь не заплескать Марию, которая сидела посередине длинной кромки стола – прямо напротив приклеенной скотчем к стене карты Пиренейского полуострова с занимавшей почти всю ее Испанией, протиснулся по оставшемуся свободным от тесного пространства кухни проходу на новое место – спиной к самому входу в помещение.

Только затем Геша, пробравшись за спинами Кости и Марии к окну, с чувством морального удовлетворения уселся там на свое законное место. Мария тем временем переставила его прибор и кружку ближе к нему.

Геша с неудовольствием покосился на оказавшуюся перед ним кружку и, взглянув на Марию исподлобья, вновь заявил:

– Это не моя кружка!

– Да?! – со всей предупредительностью, на какую только оказалась способна, быстро отозвалась девушка, и поинтересовалась: – А какая твоя?

– Та – что у Кости, – пояснил Геша, и прибавил: – Любимая.

Мария оперативно поменяла кружки местами.

Теперь, когда ему удалось несколько укрепить ослабшие позиции собственника жилья, Геша несколько успокоился и без особого аппетита приступил к еде.

Еда оказалась неприятной, но – вполне съедобной: Мария отварила вермишель и сосиски, сделала простенький салат из свеклы с чесночком и порезала немного тех маринованных огурцов, что еще оставались в банке.

Она уже давно сменила халатик на узенькую коротенькую майку, открывавшую пупок и выразительно подчеркивавшую ее хоть и небольшую, но задорно вздернутую кверху еще совсем девичью грудь, и тесные джинсы на бедрах. Костя по-прежнему был облачен в те же самые джинсы и майку, в которых остался, когда по возвращению с улицы скинул с себя у вешалки в коридоре легкую матерчатую куртку.

Кушая, Геша, не удержавшись от внутреннего одобрения, мельком высмотрел те перемены, что произошли на его кухне после того, как в ней похозяйничала Мария: коллекция грязной посуды с комода исчезла – видимо, переместившись пусть и не на те самые места, которые сам Геша полагал подходящими, но, по крайней мере, на те, которые сочла целесообразными его юная гостя; раковина для мытья посуды стала безупречно чистой и, что уж совсем поразило несколько безалаберного владельца наших «хором», это то, что девушка за

столь непродолжительное время успела выскоблить даже его уделанный прогорклым жиром и прочей нечистью комод.

Затем Геша постарался незаметно для своих гостей приглядеться к тому, как они едят. Но и тут не нашел ничего такого, что могло его покоробить: Костя, хотя и ел с нагулянным крепким аппетитом, отправляя еду в рот довольно внушительными частями, тем не менее, не чавкал, не хрумкал, не втягивал в себя носом накопившиеся в нем мокроты, держа, как и положено мало-мальски воспитанному человеку, губы при пережевывании плотно сжатыми. Девушка ела медленно, по чуть-чуть, словно с ленцой. Одним словом, полный порядок.

А ведь некоторые едят так, что глядя на них можно ненароком выbleвать!

Тут Геше вспомнился один, так сказать, сослуживец по сержантской учебке, который, находясь за обеденным столом, всегда чрезмерно близко придвигал к себе миску, а сам вплотную налегал на кромку стола; склонялся над нею так, что, казалось, вот-вот клюнет в блюдо носом, и, пристально разглядывая то, что собирался отправить себе в рот, черпал пищу доверху наполненной ложкой – отчего еда, хлюпая, частью падала обратно в тарелку, сопровождался весь процесс громким чавканием и сопением.

Глядя на него, хотелось застрелиться с досады на человечество!

Все время, пока Геша высматривал и размышлял над увиденным, над столом висела довольно и достаточно неловкая для всех троих пауза, несколько разбавленная только позвякиванием вилок об фаянс тарелок да пением пары пичуг, раскачивавших ветку того большого клена, что рос прямо перед домом и дотягивался до самого последнего этажа, частично перекрывая обзор из Гешиных окон.

Первой спохватилась Мария:

– Может, водочки выпьешь? – заботливо, словно тяжелобольному, прикованному к постели человеку, предложила она Геше, мило улыбнувшись.

Он только вынужденно поморщился – первые часы похмелья его организм к подобному «лечению» всегда относился с пламенным возмущением.

– Нет, я не каждый день водку пью, – буркнул он в ответ и тут же вспомнил, что две только что произнесенные реплики полностью соответствуют двум тем, что звучат в спектакле по Чехову – там точно так же нянечка предлагает поутру Астрову выпить, а он точно такими словами отказывается.

Надо сказать, что пьесу «Дядя Ваня» в постановке БДТ (самого Товстоногова!) Геша любил очень – смотрел уже несколько раз и тонкий юмор драмы всегда остро чувствовал.

«Дожился! – подумал Геша с укоризной в адрес собственной персоны. – Не каждый день! – он слегка, но горько своим мыслям усмехнулся: – Как и Астров откупориваю чуть ли не каждый день и, как и он, доволен, что пока еще не каждый!»

Костя же, услышав слова Марии, встрепенулся:

– Да, кстати! – с настроением воскликнул он и протянул руку к той наполовину опорожненной бутылке, что осталась на столе после предыдущего распития. Налив себе полную рюмку с горкой, он смачно опрокинул ее внутрь себя, крякнул от удовольствия и тут же, осаживая ее ловко сдернутой с блюдца долькой огурца, с наслаждением захрустел. – У! – с восхищением промышчал он, не разжимая губ и, заметив вопросительный взгляд Гешы, пояснил: – Классные огурцы! – И тут же полюбопытствовал: – Сам, что ли, делаешь?

– Мать, – кратко сообщил Геша.

Видя, с каким кайфом ублажил себя водкой Костя, Геша почувствовал позыв сделать то же самое – так вкусно все выглядело со стороны, но, чуть подумав, все-таки от такой идеи отказался.

Покосившись на Марию, Геша вдруг решил почему-то, что очень неплохо, – то, что она так похозяйничала на его кухне, а также и особенно то, что она теперь сидела рядом с ним:

не смотря на трапезу, он как-то остро в тот момент почувствовал, как свежо, нежно и чудесно пахнет кожа юной красавицы.

Подумав так, он как-то внутренне помягчел и, с любопытством на нее взглянув, поинтересовался:

– Мария? Значит, Маша?

– А что? – слегка улыбнулась она в ответ.

– Нет, нет, ничего, – поспешил сказать он. – Просто хотел спросить: можно ли мне тебя так называть?

– Конечно! – улыбнувшись чуть больше, позволила она. – Называй, как тебе удобно. Маша – так Маша. Так очень по-русски! Мне нравится. Хотя Костя меня называет всегда только Марией.

Костя, услышав их диалог, слегка и с некоторым значением усмехнулся.

Заметив его усмешку, Геша перевел на него взгляд и, чтобы не выглядеть невежливым по отношению к нему, и не представилось так, будто он относится к Косте, как к пустому месту, заметил:

– А ты, стало быть, Костя?

Вопрос прозвучал тупо!

Костя, не сочтя необходимым на него отвечать, кивнул головой. Геша, со стыдом осознав оплошность, сделал вид, что сосредоточился на еде.

– Слушай, старичок! – осаживая вторую выпитую рюмку, между делом окликнул его Костя. – Ты сегодня куда-нибудь собираешься?

Геша с сомнением пожал плечами:

– Не знаю... мать, наверное, с сестренкой проведать надо. Деньжат ей подкинуть, – здесь он с некоторой неловкостью пояснил: – Тех, что вы дали... А что?

– Да, в общем-то, ничего особенного, – продолжая хрустеть огурцом, отозвался Костя. – Просто нам с Марией уйти надо будет. Как с ключами-то будем? У тебя есть запасные?

Услышав вопрос, Геша вновь внутренне напрягся.

Есть вещи, которые значат гораздо больше, чем просто вещи: они, помимо своего обычного понятия, связывают в нашем сознании еще кучу других понятий – более значимых и важных для нас, чем они сами. Например, небо, земля, вода, хлеб... Очень хорошим примером таких вещей является обыкновенный топор – тот, которым мы рубим мясо, колем дрова. Вам приходилось видеть, как в драматической конфликтной ситуации у кого-нибудь из участников конфликта в руках вдруг оказывается топор? Или даже, быть может, самому использовать такой предмет в качестве веского аргумента для подтверждения ваших, оспариваемых противниками, доводов? О, автор ручается, что тогда вы прекрасно понимаете, о чем идет речь! Никакая агрессивная, даже самая большая толпа при виде решительно настроенного человека с топором не устоит там, где до тех пор стояла. При одном только виде такого будто бы неуклюжего предмета даже у самых отъявленных отморозков похолодеет спина, побегут мурашки по затылку, и не придадут в такой ситуации отморозкам уверенности ни колья в их лихоимных руках, ни какие-нибудь там нунчаки. Против парня с топором устоять способен только парень с пистолетом или с каким-нибудь еще более грозным и продуктивным оружием. Один только вид топора в руке моментально вызовет в подсознании самого отчаянного злодея целую кучу древних и ужасных образов, и разошлет по всему его телу такую же кучу импульсов, которые парализуют все его тело, и заставят вначале мгновенно прирасти к тому месту его варнаковского пути, на котором он к тому моменту оказался, а при приближении к нему человека с топором – против всякой воли попятиться назад.

И не удивительно! С топорами в руках многие люди многие тысячелетия воевали, нанося ими смертельные жуткие раны и тяжкие увечья, топор в течение тех же тысячелетий неодно-

кратно взлетал над плахой, начисто отсекая головы тем несчастным, которых угораздило на плахе оказаться.

Вот, что такое топор!

И после всего сказанного вы хотите убедить автора, что топор – просто предмет, необходимый в хозяйстве? Нет! – топор страшный символ тех грозных веков, которые миновало в своем развитии человечество.

То же самое и ключ! Не просто приспособление, которое отпирает замок, а в остальное время болтается где-то в вашем кармане или в выдвижном ящике вашего стола. Вспомните, как иронично и со значением предлагал Остап Бендер несуществовавший у него ключ от той несуществовавшей квартиры, в которой якобы лежали его же несуществовавшие деньги! Ключ – символ обустроенности и защищенности человека, а значит, и символ его значимости. И, самое главное, – символ, хотя и не абсолютной, но все-таки независимости человека.

Самые укромные и надежные уголки нашей психики навечно хранят в себе те фантастические значения, которые имеют подобные символы для человека.

Думаю, что теперь, после всех приведенных размышлений автора, читатель готов понять всю ту высшую степень внутреннего напряжения, которая вынудила буквально окаменеть черты Гешино лица, едва только он слышал столь, казалось бы, невинный вопрос Кости.

– Нет, ключи-то, конечно, есть, – нерешительно, затравленно глядя на Костю, после большой паузы отозвался, наконец, Геша под пристальным и выискующим взглядом сотрапезника, – просто... в смысле... в принципе, вы могли бы захлопнуть... Дверь...

– И?! – недоуменно поторопил его Костя.

– И... там, как вышло бы, – преодолевая смущение, лепетал Геша. – Если я позже... Могли бы на лестницы обождать... я бы пришел и впустил вас, – понимая, что несет полную ахинею, он заткнулся.

Мария слушала его тираду с молчаливым и веселым удивлением, Костя от изумления, выжидая конца Гешиных размышлений вслух, даже вопросительно изогнул брови.

– Слушай, старичок, я что-то ничего не понял! – подытожил он, дослушав, сдерживая то легкое раздражение, которое у него поневоле возникло.

Глава 8

Еще два слова о футболе

Солнце над Большим проспектом Васильевского острова, до того полускрытое от горожан, жаждавших погреться его первым весенним теплом, высокой перистой зыбью облаков, наконец, частично зыбь растопив, вырвалось на свободное пространство и припекло всю свою еще не окрепшую после зимы силу.

Наша странная парочка, облюбовавшая скамейку неподалеку от кафе, по-прежнему ее и занимала, а бойкий маленький казах, хотя и стал, видимо, понемногу согретьшись, несколько меньше жестикулировать, млея под ласковыми лучами, по-прежнему занимал (или донимал?) своего терпеливого приятеля разговорами.

– Исторический день, Серега, исторический! – патетически восклицал он, пытаясь очертить дипломатом широкий круг, словно хотел высечь из воздуха хрустальный памятник долгожданым победам «Зенита», но уже не так рьяно, как раньше. – Нынче, Серега – хочешь, не хочешь, а потащу я тебя в футбольное кафе – там будем болеть! Я уже и местечко присмотрел. Лишь бы вовремя с делами расквитаться!

– Да ну его к бесу! – не очень твердо отмахнулся его собеседник от такого предложения. – Лучше у меня сядем. Спокойно, пивка наберем, у меня и плотва вяленая есть в заглазнике...

– Не, Серега! – возмутился Биген. – Что, что, а такие вещи дома не смотрят! Обязательно в кафе идти надо, обязательно! К народу! С народом! Покричать, пошуметь, поматериться!

Вместе! Дерьмо можно жрать в одиночку, если под рукой ничего другого больше нет. А пирогом нужно наслаждаться сообща с друзьями. С единомышленниками! С согражданами!

– А если проиграют? – урезонил Сергей. – Тогда что? Тебе сердца своего не жаль? У меня как-то из-за «Спартака», когда тот в Лиге играл, так мотор прихватило! Будьте, нате! Да не крути ты дипломатом!

Биген не удостоил последнее замечание вниманием, а вместо того возмущенно и громко – на полквартала! – завопил:

– Ты брось! Пораженческие такие настроения! В Великую Отечественную тебя за такие настроения запросто шлепнули б! И были бы правы! Нашел, кого сравнивать! «Зенит» с каким-то там «Спартаком»! «Спартак» – отдыхает! Да ты же видел, как «Зенит» теперь рубится! Разве мы можем проиграть?! Наши выигрывают, Серега, будь спок. Мы к этим «Томми» под их шотландские юбочки залезем, порвем трусы, если они их вообще носят, и вдую так, что мало не покажется!

Проходившая в тот миг мимо скамейки добропорядочная и интеллигентная петербургская старушка, слышав победный вопль маленького азиата, отшатнулась в сторону и осуждающе на них посмотрела – она явно выглядела фраппированной.

– Биген! Сколько раз я тебя просил! – смущенно и шепотом прошипел Сергей. – Из-за тебя у такой вот бабушки insult случиться может.

– Да ладно тебе, Серега! – несколько снизив обороты, попытался оправдаться тот. – Чего не сделаешь ради наших!

– Наших?! – рассмеялся приятель. – Каких-таких «наших» ты имеешь в виду, Биген? Я что-то упустил? В «Зенит» легионерами казахов подрядили? – подзадорил он.

– Брось! – снова громко воскликнул Биген. – Сегодня весь Казахстан за Россию болеть будет!

– Да ну! – с наигрышем усомнился Сергей. – Так уж и весь? И даже казахи?

Биген сделал обиженное лицо глубоко уязвленного человека.

– Клянусь! – заверил он. – Знаешь, как страстно казахи три года назад за ЦСКА болели? Мой младший брат даже голос сорвал! Казахи больше всех переживать будут, вот увидишь.

Его собеседник усмехнулся:

– Увижу я, похоже, только одного казаха, который собирается тащить меня в кафе к черту на кулички. Как же я увижу других казахов?

– Мне позвонят и все расскажут, – простодушно пояснил Биген. – Я уже племяншу наказал – он завтра в отдел отзвонится и отчитается.

– А! – подыгрывая ему, отозвался приятель, и в очередной раз украдкой осмотрелся: – Однако не идут, – заметил он напряженно.

Надо заметить, что Биген был истинным патриотом сразу двух суверенных государств, но так как казахстанские футболисты до сих пор особенными успехами порадовать его не могли, как, впрочем, и прочих его соплеменников, он с лихвою отрывался, болея за россиян...

Не доезжая до кафе десятка метров, у обочины притормозил белый потрепанный «Гольф». Из него выгрузились четверо молодых парней, предпочитавших, очевидно, спортивный стиль одежды, один из которых, с висевшей на плече кожаной сумкой, скоро углядел нашу парочку и, заметив Сергея, приветственно помахал ему рукой.

Сергей махнул в ответ и, зло прищурившись, перевел взгляд на Бигена и прокомментировал:

– А вот и кролики!

Четверка тем временем пересекла улицу и направилась к скамейке.

Глава 9 «Вальтер»

Геша собирался к выходу.

Согнувшись в три погибели в коридоре, он зашнуровывал кроссовки, испытывая неловкость оттого, что Костя и Мария возвышались над ним – как добропорядочные жильцы, они вышли туда проводить хозяина, всем видом показывая, что беспокоиться ему совершенно не о чем, и что, когда он вернется домой, то застанет жилище в полном порядке.

Жильцы, выжидая окончания процедуры, стояли, тесно прижавшись друг к другу; одна рука Кости покоилась на талии Марии, одна рука девушки нежно обнимала талию Кости, который, весело позванивая, поигрывал согнутой в локте и спрятанной за спину другой рукой небольшой, в два ключа связкой. Оба пристально наблюдали за Гешиными мучениями.

Под задорное побрякивание ключей Геша, управившись, наконец, с обувью, выпрямился и вопросительно взглянул на постояльцев. Они ответили ему тем же.

– Не надо, не провожайте меня, – не без иронии пожелал Геша и, круто повернувшись, отворил дверь и, не оглядываясь, вышел

Дождавшись, когда дверь за ним захлопнется, Костя и Мария переглянулись и тут же, не выдержав комизма ситуации, от души рассмеялись. Затем они развернулись и по-прежнему в обнимку, хотя было тесновато, вернулись на кухню. Там Костя, отстранившись от Марии, подошел к подоконнику, на котором стоял выдавший виды яйцеобразный переносной музыкальный центр «Панасоник», и склонился над разбросанными подле него компакт-дисками.

– О! – воскликнул он, чуть погодя. – То, что доктор прописал! – выбрав один из дисков, сначала показал его Марии, а затем, вставив в дисковод, немного полистал: – Сантана, блин! – торжественно возвестил он, и из динамиков хлынули забойные аккорды композиции «Smooth» из альбома «Supernatural» – того самого, за который музыкант некогда отхватил целый букет «Гремми». Потом, обернувшись к Марии, Костя заметил: – Пора ведь и нам собираться, не так ли?

Та с готовностью кивнула и, сбегав в комнату, принесла оттуда дамскую сумочку. Костя тем временем сходил в санузел и вернулся оттуда со старой Гешиной майкой. Потом уселся на тот табурет, что считался хозяйским, предоставив, таким образом, Марии занять тот, на котором за завтраком сидел сам, и, резким движением разорвав майку надвое, прокомментировал:

– Надеюсь, Геша в обиде не будет.

Они с Марией заговорщицки обменялись улыбками и приступили к сборам.

Словно отбивая ритм звучавшей мелодии, Мария с легким стуком стала выкладывать на стол содержимое сумочки: пудреницу, набор теней в плоской коробочке, тушь для ресниц в круглой продолговатой упаковке, еще одну такую же упаковку с тушью, которую Костя для чего-то забрал себе, губнушку. Далее пошли предметы, казалось бы, вовсе непредставимые, как содержимое дамской сумочки столь юной девушки: на столе вдруг очутилась масленка с машинным маслом, а затем, что еще более могло бы шокировать случайных наблюдателей столь изумительной сцены, если б они там оказались, – пистолет; с усмешкой, адресованной Косте, выложенный на стол, и мгновенно подвинутый им ближе к себе.

Наши герои под музыку приступили каждый к своему делу: Мария, щелчком раскрыв пудреницу, взглянула на себя оценивающе; Костя, тоже с щелчком, сдернул кожух с пистолета.

Пистолет оказался довольно небольшим: из тех, которые мы порой называем дамскими, но все-таки и он был весьма грозным оружием – особенно в опытных руках: настоящий, боевой, а не какой-нибудь там газовый, вполне приличного калибра – восьмимиллиметровый «Вальтер».

Теперь уже Костя смотрел оценивающе – не на себя, конечно, а на обнаженные внутренности «Вальтера».

Мария извлекла из упаковки туши щетку и стала поправлять ресницы, Костя достал из другой такой же упаковки такую же щетку, очищенную от туши, и начал старательно тыкать ею в ствол оружия, используя как шомпол; Мария наносила на кожу очищающий крем, а Костя тем

временем не спеша наносил масло на механизм пистолета; Мария тщательно стирала излишки нанесенного крема, и Костя столь же тщательно снимал обрывком Гешиной майки излишки смазки.

Девушка, чем дольше занималась своей внешностью, тем все более преображалась: теперь она уже не выглядела совсем девчонкой, а на глазах превращалась в красивую и уверенную в себе молодую женщину, а Костя, испытывавший те знакомые всем мужчинам чувства, которые мы все испытываем при виде оружия, а уж тем более при обращении с оружием, становился на глазах мальчишкой – глаза его возбужденно горели – и та существенная разница в возрасте, что их разделяла, становилась с каждой минутой все незаметней.

Одновременно раздались два щелчка – Мария, нанеся последние мазки помады на уже очерченные губы и оценив себя напоследок в зеркальце пудреницы, эффектно захлопнула ее крышку, и Костя, завершив смазку и чистку оружия, звонко заключил его в кожух. Глянув на радостно улыбающуюся и теперь целиком посвященную ему Марию, он протянул руку поверх стола в ее сторону и требовательно пошевелил пальцами. Сообразив, чего он хочет, девушка вновь заглянула в сумочку и, чуть в ней порывшись, по очереди извлекла оттуда и стоямя выставила в центре стола четыре патрона. Он, взглянув на нее недоуменно, вновь пошевелил пальцами, но она, порывшись в сумочке еще немного, отрицательно покачала головой.

«Вот дуреха! – озабоченно подумал он. – Растеряла, наверное, по дороге! Хорошо еще, что не спалились из-за них. Ладно, пустяки, – решил он. – На первые дни, если че, попугать хватит, а после – достану», – он знал, где.

Снаряжая магазин, он не заметил, увлекшись, как Мария, дурачась, «похитила» у него один патрон и спрятала у себя во рту. Уличив ее, он знаком потребовал вернуть похищенное, но она, смеясь, показала ему зажатый между зубов патрон и глазами предложила Косте взять его самому. Когда он потянулся за патроном, она схватила его руку, поцеловала ее, а затем прижалась к раскрытой ладони руки щекой, и только чуть погодя, отняла от себя Костину руку и обронила в нее влажный патрон. Водворив неполный магазин на место, Костя передернул «Вальтер» на боевой взвод и поставил на предохранитель. А затем улыбнулся Марии.

Поднявшись, с пистолетом в руках Костя стал танцевать, глядя прямо в глаза Марии, а она, покачивая головой в такт музыке, искренне любовалась дружком. Дотанцевав до того места, где сидела девушка, он дождался, когда она раскроет сумочку и сбросил в нее оружие.

А тем временем вокалист Сантаны продолжал своим сексуальным голосом выводить ругады лирического героя песни, обращавшегося, как можно было понять, к своей девушке:

«Я изменился, я не могу жить так, как прежде.
Я не хочу учиться, не хочу работать,
Я не могу жить так, как живут остальные,
Потому что стал совсем другим,
Совсем не таким, как был раньше».

Глава 10

Задержание по-питерски

Здесь, чтобы не нарушать ход нашего повествования и донести до читателя все подробности истории, нам придется сделать небольшой флеш-бэк по времени и вернуться к тому, что происходило во время описанной только что выше сцены вокруг странной парочки.

Подошедшая к скамейке четверка, хотя и отличалась крепкими торсами, все-таки выказывала все признаки настороженности.

Сергей встретил их насмешливым прищуром серых глаз, вальяжно и с уверенностью откинувшись на спинку скамьи, со снисходительной благосклонностью кивнул в ответ на приветственные кивки вновь прибывших и, с ленцой разжав губы, спросил:

– Ну?!

Четверка в некоторой нерешительности топталась на месте.

«А они туповаты!» – с удовлетворением отметил про себя Сергей и, заметив, как недоуменно покосился на Бигена тот долговязый и, очевидно, очень жилистый парень, на плече которого висела сумка, небрежно пояснил:

– Мой казахский друг. – А затем, не дав долговязому остаться в замешательстве, перешел к делу: – Принесли?

Тот скосил глазами на сумку:

– Вот. А вы?

Сергей показал взглядом на Бигена:

– Все в дипломате.

– Тогда пошли? – предложил парень с сумкой.

– Куда еще? – с сарказмом поинтересовался Сергей.

Парень ткнул пальцем в сторону кафе:

– Туда, в кабак! Там кабинки есть, устраивает?

– Устраивает, – мило улыбнулся ему Сергей. – Только мой казахский друг останется здесь.

– С кейсом? – недоверчиво спросил долговязый.

– Именно, – подтвердил Сергей. – Дабы вам, мальчики, моча в голову не ударила, и вы не натворили б каких-нибудь глупостей. Должен же я вначале убедиться, что вы нам не фуфлю толкаете.

Долговязый вопросительно переглянулся со спутниками, но те, как стояли остолопами, так и продолжали стоять. Пришлось ему самому принимать решение:

– Тогда ведь и мы должны вначале кое в чем убедиться, не так ли? – спросил он, стараясь говорить ироничным и уверенным тоном.

– Тогда подойди к моему другу и убедись. – Позволил Сергей и, заметив, что все четверо при его словах сделали одновременное движение в сторону Бигена, одернул их: – Стоп, стоп, парни! Кто-нибудь один, – пояснил он, когда те недоуменно на него оглянулись.

Долговязый шмыгнул носом и оглянулся на того из своих партнеров, что стоял ближе всех к Бигену:

– Иди, глянь, – приказал он.

Тот присел рядом с Бигеном, заглянул в приоткрытый тем предупредительно дипломат и удовлетворенно хмыкнул. Лицо же самого Бигена просто просияло, хотя можно было понять, что не реакция парня так его впечатлила, а само содержимое дипломата, на которое он во время демонстрации смотрел, не отрываясь, впад чуть ли не в состояние эйфории.

– Ну, как? Мы счастливы? – окликнул долговязый инспектирующего.

Тот с трудом перевел на него зачарованный взгляд и выдал из себя:

– Да, очень, – затем, на всякий случай, протянул руку внутрь дипломата и шелестнул, судя по звуку, пачкой банкнот, удостоверившись в их подлинности, и лишь после того с неохотой встал и присоединился к остальным под шелчок захлопываемого Бигеном (тоже с большой неохотой) дипломата.

– Как будем теперь? – вопросительно взглянув на Сергея, поинтересовался долговязый.

– Все просто, – понимающе усмехнулся тот. – Сейчас мы все вместе, впятером идем в кафе, как вы и хотели. Биген остается здесь. Я осматриваю все то, что вы принесли. Если все путем, забираю и звоню моему казахскому другу на мобилу. Один из вас идет и забирает дипломат, проверив еще раз его содержимое. Звонит тебе, – кивнул Сергей долговязому, и вы вчетвером сваливаете из кафе к чертовой матери...

– Полегче, – с угрозой в голосе перебил его долговязый.

Но Сергей продолжал, не обратив на реплику ни малейшего внимания:

– К чертовой матери сваливаете, а мой друг приходит ко мне в кафе, и мы вдвоем приятно отмечаем там удачно завершённую сделку. Идет?

– Идет! – чуть помешкав, откликнулся долговязый и сделал решительный шаг в сторону крыльца кафе.

Все, кроме Бигена, отправились следом за ним.

У самого крыльца долговязый дернул за рукав того из приятелей, что инспектировал дипломат:

– Останься здесь, пропаса поляну.

Сергею его распоряжение не понравилось, но он смолчал.

Едва они оказались внутри кафе, как к ним приблизилась девушка-официантка и, безошибочно определив в Сергее самого главного в компании, обратилась к нему:

– Добрый день! Спасибо, что посетили наше кафе! Вам столик или кабинет?

– Нам бы столик в кабинете, барышня, – шутливо ответил он.

Когда все четверо расселись за столом уютного кабинета (впрочем, «кабинетом» назвать такое место, отгороженное от остального пространства деревянной решеткой, пышно перевитой ветвями какого-то лиственного растения, было бы смело), Сергей обратился к сопровождавшей их официантке:

– Вот, что, милая барышня: вы нас пока оставьте – нам тут кое-что обсудить надо, да и с меню хотелось бы обстоятельно ознакомиться, а позже мы вас сами позовем. Лады?

– Хорошо, – профессионально улыбнулась та и, осторожно прикрыв за собою невысокие дверцы кабинки, исчезла.

– Ну, доставай! – распорядился Сергей, обращаясь к долговязому, дождавшись, когда шаги девушки удалятся.

Тот не спеша извлек из сумки несколько свертков из бархатной материи и положил их на стол; Сергей, взяв один из них, аккуратно его развернул и, тоже не спеша, вынул из бокового кармана пиджака заранее приготовленный окуляр – из тех, которыми пользуются часовщики, ювелиры и эксперты картин и других художественных ценностей, и, приспособив оптику себе на правый глаз, стал внимательно рассматривать разложенные перед ним ценности.

Парни с напряженным ожиданием за ним пристально наблюдали.

– Ну, как?! – не выдержав напряжения, подстегнул Сергея долговязый.

– Чудесно, чудесно, – отозвался Сергей, не прекращая изучения. Посмотреть было на что: изделия из платины и золота с вправленными в них драгоценными камнями сверкали перед ним как утренняя летняя роса на траве. – Потрясающе! – восхищенно воскликнул он: – Украшения из ювелирного Кацмана!

Долговязый напрягся еще больше:

– Ты... Ты откуда...

– Что «откуда»? – резко перебил его Сергей. – Откуда я знаю, что ли? Мир тесен и полон слухами, любезнейший! Ты – не волнуйся, – успокоил он, и пообещал со значением: – У нас с тобой все будет хорошо. Разворачивай следующий сверток, а я пока позвоню Бигену.

Достав из внутреннего кармана сотовый, Сергей набрал дозвон к Бигену:

– Бигеша, это я. Похоже, все в порядке. Ты там просеки окрест – все ли в порядке? – не толчется ли там поблизости от тебя кто-нибудь, кто нам может очень помешать? В общем, действуй по обстановке. Ага, давай.

Свернув мобильник, Сергей тут же выхватил со стола огромную брошь и впился в нее взглядом через окуляр. Парни, услышав его разговор с Бигеном, несколько успокоились и теперь поглядывали на Сергея, чуть ли не с любовью.

Биген, поговорив по телефону, понял друга с полуслова: пенек на крыльце мог все им испортить.

Неспеша поднявшись с насиженного места, Биген, обняв дипломат обеими руками, лениво направился к парадному входу в кафе. Оставленный «на стреме» парень подозрительно на него покосился.

– Че-то позвонили, сказали, чтоб я здесь стоял, – равнодушно пояснил Биген, пристраиваясь рядом с тем и будто бы безучастно оглядываясь по сторонам.

К газетному киоску, расположенному поблизости, подошел мужчина и потребовал у продавщицы «Аргументы и факты». Тут же, создав небольшую очередь, следом за ним очутился еще один любитель новостей.

– Ишь, чего захотел! – усмехнулся Биген, показав глазами стоявшему подле него и проявлявшему все признаки тревоги и нетерпения парню на первого покупателя. – Аргументы и факты ему подавай!

– Чего? – не понял тот его слов и изумленно воззрился на Бигена.

– Я говорю про того мужика, что газеты у киоска покупает, – крикливо и недовольно взвизгнув, попытался растолковать Биген собеседнику. – Вон, видишь – аргументов и фактов требует, – уже как полному дебилу, прибавил ему он.

Парень недоуменно покосился в том направлении, куда ему показывали.

Бигену только того и надо было: быстро переместившись на пару ступеней крыльца выше и оказавшись, таким образом, в таком положении, что туго соображавшая голова собеседника очутилась прямо на уровне плеч Бигена, он от души размахнулся и со всей дури хлопнул разиню тяжелым дипломатом в самое темя.

– Получи и распишись, балам! – не без удовольствия сопроводил он действие репликой. «Балам» с казахского переводится, как «мой мальчик».

Не ожидавший столь грубого отношения к своей персоне, бедолага от удара несколько согнулся, но устоял.

– Сука! – превозмогая боль, прошипел он в адрес Бигена, обхватив обеими руками ушибленную голову.

Биген, не раздумывая, выписал ему еще порцию.

Тем временем любители новостей, так ничего не купив, на глазах изумленной продавщицы бросились от киоска прочь, и быстро очутились на месте локального конфликта. Несчастному искателю приключений мгновенно укрутили руки за спину, с усилием оторвав их от его головы, и защелкнули на запястьях наручники. Светло-зеленая «Шестера», до того мирно дремавшая метрах в пятнадцати впереди кафе, вдруг, взревев заведенным двигателем, с визгом стирая протекторы, резко набрала задний ход и столь же резко затормозила подле места нашей маленькой баталии. Задержанного, особо с ним не церемонясь, затолкали в салон, и один из оперативников, участвовавших вместе с Бигеном в событии, уселся следом. Биген же тотчас с оставшимся с ним мужчиной решительно направился к дверям заведения.

В кафе же происходило следующее: очутившуюся в его руке брошь Сергей рассматривал с самым неподдельным любопытством – уж больно красива оказалась, зараза! – крупный и прекрасно отделанный алмаз обрамлялся двенадцатью столь же чудесными, но меньшего размера камнями той же породы, вся группа вправлялась в розовое золото ажурной и изящной основы. Ничего подобного прежде Сергею держать в руках не приходилось, – да что там держать в руках! – он и издали-то таких вещей не видел.

«Да! – женщин вполне можно понять, – подумал он с грустью. – Разве такого можно не желать?!»

Момент для наслаждения подобными изысками, конечно, был не самым подходящим, но против воли ему хотелось его растянуть.

Долговязый истолковал его сосредоточенность по-своему:

– Что? Что там? – коснувшись локтя Сергея рукой и тем самым выведя его из оцепенения, с опаской воскликнул он: – Чего-то не то?

Сергея позабавила его тревога, и он решил ее усугубить:

– А все не то! – усмехнулся он снисходительно.

– Что? Что именно? – всполошился долговязый.

– Камушек-то с изъяном! – показав глазами на брошь и сделав над собой усилие, прибегая ко столь чудовищной лжи, пояснил Сергей.

– Не может быть! – возмутился тот. – Стекла амстердамской огранки с южноафриканских копей!

Сергей равнодушно пожал плечами и неторопливо протянул ему вначале брошь, а затем и окуляр:

– А ты сам посмотри, – невинно предложил он.

Долговязому, которому, несомненно, никогда в жизни раньше подобной экспертизой ювелирных изделий заниматься не приходилось, такая перспектива показалась неуместной, но, сдержав неудовольствие, он все-таки взял брошь и, пристроив окуляр на правый глаз, сосредоточился на рассматривании, ровным счетом, конечно, ни шиша не видя.

– Ну, что там? – поторопил долгоязого с суждением один из его подельников-недотеп.

Тот, собираясь что-то ответить, поднял голову и глянул в сторону любопытного, но вместо него ответил Сергей:

– Фингал! – хлестко воскликнул он, и мякотью основания ладони нанес долговязому такой удар в тот глаз, в котором поблескивала линза, что тот, мгновенно взыв от причиненной боли, вывалился из кресла, где сидел, на пол, очутившись в самом углу кабинета, и скорчился там.

Тот, что проявлял любопытство, выхватил старенький «Смит и Вессон», но поднять его на уровень выстрела так и не успел: Сергей тренированным движением захватил сверху кистью левой руки запястье незадачливого стрелка, чуть сдвинувшись при этом в правую сторону, уходя с линии огня, а затем резко дернул противника на себя. Тот перелетел через стол и оказался в том же углу, что и долговязый, а оружие тем временем переключилось в правую руку Сергея, и он тут же, не разжимая ладони, плотно обхватившей корпус револьвера в районе барабана, присовокупил «летчику» еще и мощный удар рукоятью в переносицу.

Именно тогда дверцы кабинки широко распахнулись и на пороге возникли Биген и сопровождавший его оперативник.

Вскоре, на руках всех троих горе-гангстеров замерцали браслеты наручников. Мужчина, прибывший с Бигеном на задержание, тщательно всех троих обыскал: на дне сумки долгоязого обнаружился еще один револьвер – совсем уже древний, но легендарный «Наган».

– И все-таки, ты неадекватен, Серега! – видимо, возвращаясь к давно уже обозначенной кем-то теме, заметил обыскивавший, выпрямившись. – Не зря говорят! Идешь без оружия на два ствола! «Сатана», как есть «Сатана»!

Насчет «без оружия» он был прав: Сергей перед операцией решил, что у них с Бигеном ничего в таком роде быть при себе не должно, – иначе подозреваемые могли насторожиться прежде срока (если б что заметили).

– Вот, что, Егонов, – устало, очевидно, все еще перерабатывая могучим организмом выброшенный в кровь адреналин, с заметным раздражением отозвался Сергей: – Заткнись и не каркай! Бери-ка лучше сучат и тащи их на выход. Машину, надеюсь, уже вызвали?

– Наверняка, – хмуро ответил тот, кого он назвал Егоновым.

– Устройся где-нибудь в зале и составь протокол задержания – официанты пусть подпишут. И смотри, – по дороге не давай субчикам общаться друг с другом. Если что – лупи подлицом дубинкой, – наказал Сергей, – а в отделе разведи по разным углам. Понятно?

– Чего уж понятней?! – с недовольным видом кивнул Егонов.

– Вот и действуй! – строго напутствовал его Сергей.

Дождавшись, когда Егонов выведет задержанных, он перевел взгляд на Бигена:

– Ну, что, дружище? Ты как?

– В порядке, – откликнулся тот и, показав взглядом в сторону ушедших, заметил: – Вообще-то, Серега, он прав.

– Ага, давай, теперь ты будешь чистить старому другу мозги. Пустое все, Бигеша, – отмахнулся Сергей, невзирая на заботливый тон Бигена, и вдруг закричал: – Девушка! Девушка, вы где?

Официантка несмело заглянула в кабинет, во все глаза восхищенно разглядывая Сергея, так как невольно стала свидетелем всего происшедшего.

– Ну? – веселым голосом поинтересовался у нее Сергей. – Вы кормить-то меня будете?

– А вы уже выбрали?

– А что у вас тут есть особенного? Душевное, так сказать?

– Телятина с картофелем и грибами в горшочках. Фирменное.

– Отлично! – одобрил Сергей и повернул голову в сторону Бигена: – Телятину в горшочках будешь?

– В горшочках? Ну, разве что фирменную, – словно нехотя, согласился тот.

Сергей вновь взглянул на девушку:

– Две порции, девушка, салаты и томатный сок. И, если можно, быстрее! Мы – торопимся.

– Сделаем! – уверенно пообещала та, улыбнувшись, и убежала исполнять заказ.

В кафе вновь стало тихо и спокойно.

Глава 11

Геша и его семья

А что же Геша?

Судьба вела его в то самое учебное заведение, которое в незапамятные советские времена считалось обычной средней школой – правда, с усиленным изучением иностранных языков, и которое ныне – в текущие времена – из-за патологической и навязчивой склонности человечества к различным нововведениям, в числе которых не последнее место занимает и маниакальное стремление к переименованиям всего и вся, стало называться не то лицеем, не то гимназией (Геша и сам точно не знал, да и не интересовало его); которое некогда закончил он сам, а теперь там же училась его младшая сестра Лизка, а завучем и преподавателем испанского языка там по-прежнему числилась Гешина мать Анастасия Анатольевна.

Все полученные от Кости и Марии деньги Геша захватил с собой – половину, которую решил оставить на свои нужды, он обменял по дороге, другую половину намеревался отдать матери, и потому теперь его беспокоило только одно – как бы умудриться переправить деньги через Лизку, не повстречавшись с родительницей – та ведь, наверняка, станет беспокоиться по поводу столь необъяснимого (по ее мнению) и столь неожиданного появления у него наличности.

Геша уже успел занять наблюдательный пост в углу у окна школьной рекреации, когда раздалась веселая трель звонка на большую перемену. Школа сразу наполнилась звуками хлопающих дверей аудиторий и оживленных возгласов учеников. Лизкин класс отчего-то с выходом задерживался, и Геша, с опаской высматривая по сторонам мать, испытывал некоторое беспокойство. Наконец, двери, на которые он поглядывал, распахнулись и появились первые Лизкины одноклассники, а вскоре он увидел и ее саму.

– Лизка! – не громко, но так, чтобы девушка смогла услышать, окликнул он.

Девушка быстро оглянулась на зов и, узнав, обернулась к подруге:

– Ой, обожди, я сейчас, – предупредила она ту и, уже направляясь к Геше, воскликнула: – Надо же! Братик приехал!

– Какой я тебе «братик»? – недовольно буркнул Геша, когда она приблизилась к нему. – Я не «братик», а целый «братище». Ну, иди ко мне – чмокну.

Девушка, как и все подростки в таких случаях, явно стесняясь окружающих, нехотя подставила щеку для поцелуя, и едва Геша успел прикоснуться губами к ее коже, тут же постаралась отстраниться, но он, рассмеявшись, по-хозяйски привлек ее к себе:

– Да иди же ты сюда – я соскучился, – пояснил он, обнимая ее плечи.

– Геша! Люди же смотрят! – возмутилась девушка, но, попротивившись немного, все же уступила и позволила поцеловать себя как следует.

– И что? – возразил ей Геша: – Я уже не могу на людях сестренку обнять? Мама где?

– Где, где... Не знаю! В учительской, наверное. Хотя, нет – у нее сочинение, кажется, было. Собирает, наверное.

– Замечательно! – удовлетворенно кивнул Геша. – У меня тут кое-что для вас есть. Ты маме передай...

– Чего еще? – удивилась Лиза. – Сам передавай. – И тут, углядев кого-то в дальнем углу рекреации, закричала: – Мама! Мама! Иди – тут твой блудный сын чего-то передать тебе хочет!

Геша, увидев направляющуюся к ним мать, сердито поморщился:

– Ну, Лизка! Просил же! – возмущенно шепнул он сестренке, которую все еще обнимал, на ушко и, ожидая, когда мать к ним подойдет, поинтересовался: – Как там твой Бандерас?

Лиза счастливо рассмеялась:

– О! Он беспредельщиком совсем стал! Всю обивку на диване ободрал! Ни на минуту одного оставить нельзя – мы только из дому, он сразу за диван принимается!

Речь шла о Лизкином лабрадоре.

– Бандерас – красавчик! – чтобы польстить сестренке, которая своего черного, как смоль, пса совершенно беззаветно обожала, одобрительно отозвался Геша в адрес «беспредельщика» и по-свойски поздоровался с подошедшей к ним матерью: – Привет, ма!

Лизу, чтобы поцеловать мать, пришлось из объятий выпустить.

– Явился – не запылится! – с иронией отозвалась на его приветствие Анастасия Анатольевна. – Пойдемте в учительскую – я вас чаем с бутербродами попотчую.

– Не, ма, я не хочу, – отказался Геша. – Уже завтракал. Да и потом хотел пива попить.

Мать внимательно всмотрелась в его лицо и слегка нахмурилась:

– Пил вчера?

– Немного, мама, совсем немного, – поспешил успокоить Геша. – У Ники – Леркиной подруги – день рождения вчера был.

– «День рождения»! – передразнила его мать. – У тебя каждый день теперь что-нибудь! Добром не кончится! – наставительно закончила она.

Геша поморщился:

– Да ладно тебе, мам! – отмахнулся он и, чтобы уйти от щекотливой темы, воскликнул: – Да, кстати! Я вам немного денег привез! – И он извлек из внутреннего кармана джинсовой куртки купюры: – Вот, мам, возьми!

Мать, машинально приняв от него деньги, удивленно на них посмотрела:

– Это еще что? Откуда они у тебя? Да еще доллары! Ты же безработный! Ограбил кого-нибудь? Ты во что влип, Генка?

– Ну, вот! – всерьез обиделся Геша. – Ни во что я не влип, мама!

– Тогда откуда они у тебя? – строго потребовала ответа Анастасия Анатольевна. – В долги влез? Забери назад! Не нужны мне твои деньги, – потрясая в воздухе купюрами, приказала она. – Нам с Лизкой на жизнь вполне хватает.

– Мама! Я жильцов пустил! – не выдержав взыскующего взгляда матери, «раскололся» Геша.

– Жильцов?! Ты?! – поразила Лиза.

Уж она-то знала, насколько несовместимы такие понятия, как «жильцы» и «Геша».

– Действительно! – не преминула согласиться с дочерью Анастасия Анатольевна.

– Клянусь, мама! – заверил Геша и далее уже понес, по мнению близких, полную чепуху – они устали на него в совершенном изумлении: – Я вчера с ними на Московском вокзале познакомился, когда от Ники уезжал. Хорошие такие ребята – парень и девушка, из Алма-Аты. Они месяц у меня поживут, хорошо заплатили. И мне веселее...

Вдруг поняв, что он не врет (да разве Геша когда-нибудь позволял себе подобное по отношению к матери?), они обе с тем же изумлением переглянулись друг с другом.

Геша, вдруг осерчав, протиснулся между ними:

– Да ну вас! – и быстрым шагом направился прочь из рекреации, так и оставив мать с деньгами в руках.

– Да обожди же ты! – едва успела крикнуть она ему вслед, а когда силуэт сына исчез за откосом стены коридора, сокрушенно взглянула на дочь: – Вот до сих пор никак понять не могу – кто из вас мне больше хлопот доставляет?

Лиза, у которой, видимо, по части таких хлопот и у самой, как говорится, «рыльце в пушку было», предпочла оставить вопрос без ответа.

Глава 12

Неисповедимый путь война

Здесь, наверное, имеет смысл несколько подробнее остановиться на личности и судьбе Геша, так как автор полагает (и, возможно, не без оснований), что его образ способен вызвать некоторое недоумение читателя.

Отец Геша покинул их семью вскоре после рождения Лизы – то есть, довольно давно, и теперь жил где-то в Колпино, где у него еще тогда появилась и другая жена, и другие дети.

Геша с матерью и сестренкой остался жить в той же коммунальной квартире, расположенной в доме по 9-ой линии все того же Васильевского острова, где и вырос, и которая принадлежала матери: три комнаты, из коих одна была весьма большой и служила общей гостиной и спальней для мамы, другую – существенно меньшую, но все же вполне приличную оккупировала подросшая Лизка, а в третьей – самой маленькой и узкой, шириной менее двух метров (отчего ее некогда, еще в бытность так называемых «исполкомов», социальные работники Василеостровского района официально признали непригодной для проживания) разместился сам Геша.

Комнаты были не смежные, и двери каждой выходили в общий коридор, который замыкался общим санузелом и кухней.

Из соседей обретались подле них только молодая смешанная осетино-русская пара, с которыми Геша близко сошелся – особенно, с Артуром, веселым кавказским парнем, и доживавший свой неудачный век вечно пьяный старик Никодимыч, которого однажды пришедшему в ярость Артуру пришлось тыкать носом в общую ванну, так как тот спьяну перепутал ее с унитазом.

Прежних жильцов большей части квартир в их подъезде уже давно расселили ушлые строительные подрядчики в окраинные панельные коробки города по отдельным углам, а Гешина квартира все еще оставалась неприступной для предприимчивости деляг – так как, ни Анастасия Анатольевна, ни Артур вовсе не желали переезжать из любимого и привычного старого района куда-нибудь в питерскую тьмутаракань.

Вы ведь знаете, что происходило с коммуналками в постперестроечный период? – как подрядчики, расселив прежних жильцов по скромным, но отдельным квартирам, производили на старых площадях реконструкцию и отменный ремонт, а затем сбывали их новоявленным нуворишам по заоблачным ценам.

Поэтому теперь Гешина мать и сестренка проживали в окружении новых богатых, хотя, кто знает, сколько так могло продолжаться? – настойчивые, порой доходящие до угроз предложения продолжали поступать, и потому жильцы нашей коммуналки уже давно смирились с мыслью, что когда-нибудь придется все-таки уступить – лишь бы очередной вариант оказался приемлемым.

В кварталах, окружавших станцию метро Василеостровскую (а Гешин дом №56 находился в двух шагах именно от нее), слыл Геша не последним пацаном (что совершенно точно «выкупил» в нем Костя при первом же знакомстве) – репутацию себе в юные годы зарабатывал в многочисленных драках.

В школе, как уже, надо полагать, догадался читатель, Геша усиленно и не без помощи матери «долбил» испанский, и потому стало вполне логичным, когда он в итоге поступил на факультет иностранных языков – разумеется, с прицелом на все тот же испанский и, как дополнительный, на итальянский языки.

Учиться Геше нравилось, да и – получалось.

Все бы ничего, все у него могло сложиться прекрасно, если б не одно «но» – однажды, во время вечера отдыха в институте он заприметил одного «шныря», который, ловко скользя между танцующими студентами, ненавязчиво предлагал им свой ходкий товар – те самые пресловутые «колеса», о которых мы столь наслышаны, а многие из нас, признаемся, возможно, и пробовали на вкус.

В другое время Геша, быть может, и оставил бы «движения» шныря без последствий, если б не одно обстоятельство – ровно за две недели до того злополучного вечера погибла от передозировки, вволю наглотавшись тех самых «колес», одна девочка из английской группы, которая, по слухам, Геше очень нравилась.

В общем, в нашем герое выиграло-таки чувство справедливости и жажда возмездия: вытащив упирившегося шныря в коридор, он столь душевно того отделал, что тот прямехонько отправился в реанимацию.

К счастью для Гешы, не крикнул. Но одному Господу известно, чего стоило Анастасии Анатольевне замять то гиблое дело: покалеченный Гешой шнырь оказался сынком высокопоставленного чиновника из горадминистрации.

Одним словом, Гешу, хотя и не отправили на нары, из института все-таки выставили.

В ту пору ему уже исполнилось двадцать, и потому в ближайший же призыв его загребли в армию – к радости матери: мол, повзрослеет, остепенится, и все такое прочее.

В армии Гешу направили в сержантскую учебку обычных мотострелковых войск – куда-то под Воронеж.

Рассказывать здесь что-нибудь особенное о том периоде его службы нет причин. Скажем только, что бойцом Геша удался исправным, и когда стены того учебного отряда, спустя без малого полгода, наконец, покинул, на плечах у него красовались аж целых три лычки, то есть, стал он полным сержантом в отличие от большинства сослуживцев, которые сподобились стать лишь сержантами младшими.

Попал Геша в бригаду быстрого развертывания под Смоленск, заместителем командира взвода.

Вскоре, случились учения, по легенде которых бригаде предстояло быстро покинуть расположение и выйти навстречу приближавшемуся противнику. Командиру Гешиного взвода – «летехе» – перед самым выходом из казарм из походного наблюдательного пункта за учениями с нарочным прислали в конверте вводную: он сам, мол, слег с тяжелым приступом дизентерии, и потому командование взводом надлежало взять на себя его заместителю – то есть, именно Геше, и согласно той же вводной взводу надлежало устроить на дороге номер 55 засаду с гранатометами и пулеметами для моторизованной колонны надвигавшихся «синих» (Гешина часть выступала в роли «красных»).

Геша принял командование на себя, получил причитавшееся согласно поставленной задаче дополнительное вооружение, а затем двинул взвод по направлению к КПП, но на пути, увы, их встретил дремучий и непроходимый затор техники и подразделений их бригады. Тогда Геша повел своих к тому лазу в ограждении расположения бригады, через который обычно бойцы «линяли» в самоволку для знакомства (и не только!) с местными девицами или просто сбегали, чтобы затовариться чем-либо в окрестных магазинчиках.

На позицию подразделение, руководимое Гешей, вышло вовремя, укрылись так, что даже Всевидящий ничего не просек бы, пусть и очень сильно б захотел, а когда подошла колонна противника, вдарили так, что только дым стоял – в прямом смысле: с взрывпакетами, с шумовыми гранатами – будь все по-настоящему, от батальона «синих» остались бы одни головешки, и уж во всяком случае, полегло б не менее половины личного состава и сгорело б не менее половины единиц бронетехники.

Короче, поставленную задачу замаскированный Гешин взвод выполнил успешно, но, едва учениям дали отбой, Гешу срочно вызвали к командиру бригады. Услышав приказ, он спокойно отправился его выполнять: может, поощрят, отпуск домой дадут, думал он – как-никак все сделали на «отлично».

Как бы не так! – Гешинной наивности нанесли сокрушительный удар: комбриг брызгал в злобе слюной так, что едва не окатил ею всех присутствовавших на НП наблюдателей – кто позволил, кто разрешил, как посмел?! Почему увел целый взвод из боевого порядка бригады без разрешения старших по званию? Почему не доложил командиру роты? И так далее!

Геша пытался оправдаться: мол, задача стояла отдельная для взвода, мол, затор, время поджимало – могли ведь и прозевать противника.

Какое там! Командир впал в сущее бешенство: да я тебя! На гауптвахту! Пятнадцать суток! Трибунал! В тюрьме у меня сгниешь, сволочь! Под арест его!

Пока с обескураженного Геша адъютант комбрига снимал оружие, ремень и забирал документы, к ним подошел один подполковник, личность которого Геше была неизвестна и – вот чудо! – довольно дружелюбно с Гешей о действиях его взвода поговорил, а выслушав, посмеялся:

– Ну, ничего, ничего, солдат! – похлопал он на прощание Гешу по плечу. – Привыкай к армейскому маразму. Все, что ни делается – к лучшему, солдат. И все меняется.

На следующий день, когда Геша уже отбывал первые сутки в общей камере гарнизонной «губы» Смоленска, за ним пришел выводной и отвел его к воротам, у которых обретался веселый и насмешливый капитан, которому Гешу и сдали из рук в руки.

Капитан отвез Гешу в обычную городскую баню, где они оба и за счет капитана от души попарились, потом даже (!) посетили пивную, а после классный капитан, в которого Геша едва не влюбился, отвез его на городской ЖД вокзал, где вручил своему подопечному не только армейские документы, но и проездные документы до Тамбова.

Ларчик открывался просто: тот подполковник, что после учений подходил к Геше, оказался начальником разведотдела дивизии, а капитан – одним из его заместителей.

В Тамбове Геша оказался вновь в учебке, но уже не в простой, а специальной – имевшей подчинение не обычным армейским властям, а по линии ГРУ. Для несведущих растолкуем: ГРУ – Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации.

Пересказывать здесь, чему и как обучали Гешу в той учебке, мы не будем; и не потому, что нам не о чем поведать читателю. Просто не хочется повторяться: читателю достаточно ознакомиться с романом Виктора Суворова «Аквариум», чтобы узнать все из этого блестяще написанного текста о системе подготовки бойцов спецподразделений ГРУ. Кстати, согласимся, что господин Суворов, описав все, с чем был знаком на личном опыте, по сути, предал бывшую Родину. Впрочем, едва ли то предательство сколь-либо существенно помогло представителям

спецслужб НАТО и США улучшить системы подготовки своих солдат и офицеров аналогичных подразделений спецназа. Ведь не зря же наши парни, оказавшись с теми на каких-нибудь совместных учениях или миротворческих операциях, лишь посмеиваются: уж кому-кому, а этим-то мы, если что, навалием!

Но, вернемся к Геше – итак, спустя очередные полгода, он стал диверсантом. А там и Вторая Чеченская подоспела.

Здесь мы тоже не станем заикливаться на нюансах той войны и Гешиного в ней участия. Но – кое-что все-таки объясним и расскажем.

Во-первых, хотим уберечь читателя (и, особенно, читательниц) от того примитивного взгляда на спецназ, который, увы, существует в действительности. Почему-то многие (и даже те, кто отслужил в вооруженных силах) полагают, что спецназ и десантники – одно и то же. Плюс еще, пожалуй, морпехи.

Нет, уважаемые, не так.

Воздушный десант – род войск, пусть и особо подготовленных (главным образом, вся их особенность сводится к умению прыгать с парашютом – и не более того). Есть, конечно же, спецназ и у десантников. Без своего спецназа не может обойтись, по сути, ни один род войск.

Допустим, связисты – захват и уничтожение удаленных от линии фронта пунктов связи противника. Особенно, ЗАС (секретной связи). Авиация – то же самое, но уже касательно аэродромов противника. Порой, еще до подхода своих войск требуется захватить и удержать аэродром врага, не дав тому уничтожить столь ценный стратегический объект при отступлении, – чтобы затем использовать его при наступлении своих войск. И так далее. Автор не знает точно, но возможно, что спецназ существует даже и у инженерных войск.

Как правило, бойцы таких подразделений ничем по форме одежды, погонам и петлицам не отличаются от принятых для всех в их роде войск, подчиняются же, как уже и говорилось, по линии ГРУ.

Вот именно такие, ничем не отличающиеся от других внешне, парни и являются теми отчаянными рубаками, которых мы чтим, как спецназовцев.

И никогда вы не увидите таких парней среди тех, кто разгуливает в полосатом исподнем на день ВДВ, порою в «дупись» пьяный. Скорее всего, таких, как Геша, вы и вовсе не увидите – не афишируют они ни себя, ни свое боевое прошлое. Можно всю жизнь прожить рядом с соседом, столь похожим на многих, пить с ним по праздникам водку, а так и не узнать, что был он когда-то бесстрашным и свирепым воином. А если случайно и украдкой удастся вам заглянуть в его военный билет, то – что же вы там увидите? А увидите вы, например, что был он каким-нибудь там ефрейтором каких-то там танковых войск, и ВУС его покажется вам ничего не значащим – допустим, «электромеханик силовых осветительных агрегатов аварийной электростанции». И – все!

В общем, не ищите вокруг себя диверсантов – они сами вас найдут, если че! (Как выразился бы Костя).

Кстати, мы сами-то о таком прошлом Геши узнали совершенно случайно – и все благодаря тому пухлому делу в архиве Василеостровского РУВД, да нашим славным консультантам.

Стоит ли приводить здесь факты из тех опасных Гешиных месяцев? Ведь все мы о чем-то таком читали, о чем-то таком слышали, что-то такое видели по телевизору: перерезанные шеи наших контрактников, рваные раны солдат СОБРа и ОМОНа, изможденные лица наших, освобожденных из плена, срочников, оторванная противопехотной миной-ловушкой нога товарища по команде – всего насмотрелся Геша. На всю оставшуюся жизнь сохранил Геша уважение к чеченцам, как к отменным воинам. И все время, пока длились те страшные месяцы, Геша сам у себя спрашивал: «Зачем мы здесь? Зачем я здесь?»

Есть у спецназовцев такая мода – каждому иметь какую-нибудь «фишку». Когда Гешу обучали в «школе», то на огневую, к примеру, подготовку патронов не жалели – настреля-

лись все в волю, отчего, как правило, становились стрелками, как минимум, выше среднего, а многие – так и отменными. Но в любой команде находился некто, кто становился в стрельбе всех отменней: прицельно палил «по-македонски» с обеих рук на бегу из «Стечкиных» или даже умудрялся столь же прицельно и густо палить и из двух укороченных десантных «Калашей». Все умели более или менее хорошо метать обычный армейский штык-нож, но находились такие, кто метал столь неказистый снаряд с такой силой метров аж на тридцать, что тот, угодив жертве точнехонько в шею, едва не отрывал ей голову.

Гешиной фишкой стали обыкновенные саперные лопатки. Не иронизируйте – в его руках они превращались в две сверкающие неумолимые молнии – бывает, что и такое умение приходится весьма кстати. Допустим, при необходимости тихо и быстро уничтожить наблюдательный пост или засаду противника. Если ты один подкрался к такому укрытию, то метнуть в одного врага штык-нож может оказаться недостаточной мерой – остальные тут же обнаружат тебя и уничтожат. А если прокрасться вплотную и ворваться неожиданно в их укрытие, и – двумя, как лезвие отточенными, лопатками, быстро, в четверть секунды, беспощадно?

Вас интересует, приходилось ли Геше такое делать? Увы, да – дважды.

Когда кавказский жар стал понемногу спадать, срок Гешиной службы вышел. Ему, как и прочим бойцам его команды, предложили подписать контракт, но – он оказался одним из тех немногих, кто такого лестного для любого диверсанта предложения не принял.

Вернувшись после армии в Питер, он запихнул свою парадку с поблескивавшей на ней медалью «За отвагу» и увенчанную погонами с широкой лычкой старшего сержанта в самый дальний конец шифоньера, и месяца два, а то и три отлеживался у себя в комнате, пугая мать и сестру мрачным видом, нещадно попивая горькую. Но, – потом одумался, решил, что все-таки нужно жить, и устроился в охранное агентство охранником.

Что только не охранял он в те годы – банки, крупные фирмы оптовой торговли, был даже охранником на автостоянке ломбарда – там, куда ставились залоговые автомобили. Те, кто появлялся там, чтобы оставить автомобиль в залог получаемого кредита, бывали, как правило, сумрачны. Если им все же удавалось выкупить собственность, выглядели несколько бодрее, но печать забот все еще омрачала их лица. Были и другие – те, кто приходил присмотреть себе вышедшие из залога и поступившие в собственность ломбарда авто. Выглядели вальяжными, самоуверенными, нередко даже наглыми.

Одному такому наглецу Геша однажды и разнес нос – таково его первое увольнение за провинность.

В следующий раз его уволили из точно такого же охранного агентства за то, что он саданул под печень своего начальника смены – тот, как потом заявил дома Геша, разговаривал с ним, как с шавкой.

Потом тяжело заболел и слег Гешин дед по отцовской линии. По настоянию матери Геша перебрался к нему (Гешиному отцу на своего отца, похоже, было наплевать – слишком уж занялся построением благополучия в новой семье) – именно в ту квартиру, в которой мы имели честь застать Гешу при первом знакомстве.

Дедова болезнь длилась почти год. Ох, и намучился же с ним Геша! И неизвестно, кто больше мучился: дед от своей несносной болезни или же Геша с ним: бегал по аптекам, выискивая лекарства, сам делал деду уколы, подставлял ему и выносил после него утку, менял под лежачим простыни, которые сам же и стирал, варил супчик немощному – натерпелся, одним словом! Наконец, дед приказал долго жить и отошел в лучший или, во всяком случае, более спокойный мир – к счастью, предварительно успев составить завещание, по которому наша квартирка, понятно, отходила к Геше. Но едва только Геша собрался вступить в законные права собственника жилья, как – о, вы уже догадались! – поспешил нарисоваться отец, науськанный своей благоверной и их детьми, и предъявил права на нашу, черт ее побери, квартирку, – которая досталась нам столь невероятной ценой.

Но – суд да дело (а суд, представьте себе, был-таки!), а против завещания не сдюжить!

Так у Геши появилась собственная берлога, в которой он не только жил, но и тужил: как-то по-прежнему у него во всем остальном не очень-то клеилось. Одно время вроде посветлело – встретила ему Лерка как-то в ночном клубе, куда зазвал его Паша – бывший сослуживец. Но – слишком скоро выяснилось, что она – та еще штучка. Насмотревшись в своем рекламном агентстве на всевозможных «крутиков», она спала и видела себя богатой. Причем именно возможность служебного, по существу, общения и внушала Лерке столь радужные надежды – особой грани между собой и своими клиентами она не видела. Гешу пилила регулярно: мол, стань мужиком, смотри, как другие живут, бери пример! Тот же Паша!

Паша – да! После спецназа, кое-чего продемонстрировав, он легко нашел себе работу телохранителем при одном из новых воротил, у которого имелся весьма обширный бизнес: сеть казино, грузовой терминал в порту с растаможкой груза и последующими вариантами его транспортировки под охраной, и так далее.

Паша при своем боссе цвел и пах! – носил дорогие костюмы, ездил на «Прадо», курил трубку с ароматным табаком, всегда был при «лаве».

Звал Паша и Гешу за компанию в телохранители к своему благодетелю, но – Геша, подумав, отказался: не хотел бобиком при откормленной какой-то роже состоять. Лерка, узнав о том неиспользованном варианте, в сердцах назвала Гешу «полным идиотом».

Последние три месяца Геша вел образ жизни безработного. Нет, варианты у него появлялись, но всякий раз он усматривал в них что-нибудь для себя предосудительное или неприемлемое. Впрочем, многим из нас такая ситуация, вероятно, знакома – когда долго бездельничаешь, начинаешь бессознательно искать причины, чтобы бездельничать еще дольше. Безработица разлагает человека так, как ничто другое!

На что Геша в те месяцы жил? Более того, – и пил? А шут его знает! Встречаются такие натуры, у которых подобные времена проходят как-то не особо трагически, как-то сами собой: случилось, что на минуты заезжал Паша и – что греха таить? – подкидывал Геше чего-нибудь; случилось, на выпивку подкидывала сама улица или, вернее, те ее кварталы, где еще хорошо помнили Гешу; а поначалу еще грели и кое-какие накопления, сделанные им в лучшие дни.

Из бывших сослуживцев общался Геша еще и Колей, которого в их команде за недюжинную силу и бесшабашность прозвали Дизелем – с тем самым бойцом, которому на Гешиных глазах оторвало ногу – не всю, только ступню. Дизель жил в Красном Селе, и они по очереди наносили друг другу визиты, и приехавший, как правило, оставался у приятеля ночевать – Красное от Васьки находилось не близко. В такие вечера и ночи они изрядно пили и вдоволь говорили, но – такое, как сами понимаете, случилось не часто.

За те два года, что прошли со смерти деда, в квартирке почти ничего не изменилось: те же обои, та же мебель – единственным из всего того, на что у людей принято обращать внимание и на что обращал внимание сам Геша, был его гардероб – в отношении одежды он выглядел сущим привередой. Остальное же Гешу практически не волновало. Лерка, правда, когда он был при деньгах, заставила его купить тридцатидвухдюймовый ЖК-телевизор «Самсунг», который сама же и выбрала, и заставила подключиться к кабельной сети. Выбрала она и место под телевизор – прямо напротив дивана, над тем креслом, сидя на котором Геша столь пристально и враждебно разглядывал Марию в знакомой нам сцене. Когда Лерка оставалась у него ночевать, то лежала подле изнывавшего от половой истомы Геши на разобранном диване, прежде чем приступить к тому, ради чего, собственно говоря, она и посещала нашу квартирку, подолгу насиловала дистанционный пульт телевизора, перескакивая с канала на канал ежеминутно, и наставительно ворчала: «Подожди, мол, еще успеешь, дай посмотреть», – и так далее. Кроме телевизора, появился в доме (и уже по инициативе самого Геши – очень уж любил послушать музыку) и переносной музыкальный центр «Панасоник», с которым мы уже знакомы.

Таким был Геша к тому моменту, как мы с вами его повстречали.

Плох ли?

Автор затрудняется ответить... Пожалуй, не так уж и плох.

А впрочем, судите о нем, господа, сами.

Мы же пока отправимся на розыски других героев нашего повествования – пока не остыли их следы:

Глава 13

Присной памяти господина Ле Бяжа

В то самое время, когда Геша покидал лицей, от здания Главного следственного управления ГУВД Санкт-Петербурга, расположенного, как доподлинно установлено автором, на Лиговском проспекте под номером 145, отъезжала «Нива», в салоне которой за рулем расслабленно, все еще «перемальвая» остатки адреналина, сидел Сергей, а подле него воодушевленно витийствовал Биген – разумеется, он, кто же еще мог обретаться там подле своего командира?

Здесь мы немного опустим суть витийствований Бигена – безусловно, полных глубокой мудрости, – полагаясь на то, что впредь у нас еще будет немало возможностей к таковым приобщиться: ведь читатель, несомненно, уже понял, что Биген относился к тем одаренным натурам, за которыми имеет смысл неотрывно следовать с карандашом и блокнотом, дабы сохранить для потомства все те безупречные афоризмы и остроумные перлы, коими они осчастливливают поминутно всех тех, кому везет в такие моменты оказаться поблизости; вместо того мы пока уделим должное внимание самому автотранспортному средству, в котором в тот час перемещались по городу наши друзья, ибо оно такого внимания вполне заслуживает.

Этот расчудесный отечественный автомобиль Сергей приобрел в весьма драматический и переломный период своей жизни на так называемые «боевые», – когда вернулся домой с Северного Кавказа после Второй чеченской, и был вынужден навсегда упрятать в шкаф мундир армейского капитана и сменить его на мундир тоже капитана, но уже ментовского – несколько ниже мы расскажем обо всем подробнее.

Впрочем, поначалу «Нива» ничем таким чудесным не отличалась и выглядела, как и все остальные новые авто данной модели: вполне заурядная такая машинешка пошленького светло-зеленого цвета.

Как-то (еще в самом начале ментовской деятельности Сергея) к нему на стол легло дело об убийстве женщины – супруги владельца популярной в городе фирмы, занимавшейся тюнингом автомобилей, причем все стрелки того дела слишком уж явно указывали на самого мужа погибшей, которого, естественно, дабы не скрылся от справедливого возмездия суда, на время следствия пристроили в следственный ИЗО, в небезызвестные «Кресты». Проведя пару допросов подозреваемого, Сергей почувствовал – здесь что-то не так – уж слишком безобидным да вдобавок еще и беззаветно влюбленным в покойную жену тот выглядел. В общем, мы не станем перегружать наше повествование обстоятельствами той истории, а лишь сообщим, что в итоге злодеем оказался вовсе не первый подозреваемый, а его друг и партнер по бизнесу, который, как выяснилось, долгое время являлся любовником жертвы и совершил убийство тогда, когда их отношения уже близились к разрыву и накалились до предела, и несчастная пригрозила обо всем рассказать мужу.

С предпринимателя, само собой, сняли все обвинения – за отсутствием состава преступления, и через некоторое время он, хотя и сраженный горем из-за гибели и предательства, как оказалось, жены, и предательства бывшего друга, все-таки, чувствуя вполне объяснимую в подобном случае благодарность по отношению к своему спасителю, пришел в отдел и в знак благодарности выложил на стол перед Сергеем весьма крупную сумму «зелени» – за что тот отчитал его, как мальчишку.

Тогда горемыка, продолжая все еще чувствовать себя обязанным, попросил Сергея, как о великом одолжении, дать ему в распоряжение на недельку Сергееву «Ниву», и тот, не без давления Бигена и с большой неохотой, отдал ключи.

Вновь в отделе предприниматель нарисовался с некоторым опозданием – дней через десять, и предложил Сергею и его другу выйти на улицу и взглянуть на облагороженную «Ниву».

Посмотреть-таки было на что: во-первых, автомобиль предстал перед нашими друзьями перекрашенным в светло-оливковый металлик; во-вторых, колеса подпрессорили (то есть, сделали тачке то, что принято называть «лифтингом»), отчего «Нива» теперь гордо и значительно возвышалась над землей с увеличенным дорожным просветом; в-третьих, сами колеса стали шире, разошлись дальше по осям, и сверкали забойными титановыми дисками; пятое колесо переместилось на специально установленное крепление на дверь багажника; мало того и самое главное – «Нивовский» двигатель 1,7, как оказалось, заменили на «Опелевский» 2,3. Зная, что Сергей заядлый охотник и всем видам столь увлекательного занятия предпочитает именно охоту на волков, предприниматель распорядился нарисовать над увеличенными арками передних колес силуэты двух, устремленных вперед, преследующих добычу и атакующих хищников (аэрография, однако).

Одним словом, авто Сергея стало выглядеть более чем заметным на общем фоне прочих, и – увы! – несколько вычурно.

И сам Сергей и Биген рассматривали творение современного тюнинга с молчаливым изумлением, но – по разным причинам.

– Обалдеть! – наконец, восхищенно выдал из себя Биген. – «Джипяра»! Всем «Джипярам» – «Джипяра»!

Сергей кашлянул и, не разделяя энтузиазма друга, откликнулся:

– Ну, я в такое не сяду.

– Да ты что, Серега! – на всю набережную заорал Биген, привлекая внимание прохожих. – Классная тачка! – И он оглянулся на смущенного тюнингиста: – Спокойно, брат! Сядет! Еще как сядет! Я тебя уверяю!

Дело происходило возле здания Василеостровского РУВД, которое, как известно, расположено на Морской набережной в доме номер 15 под литерой «Г».

На шум из дежурки вышло несколько сотрудников, которые сразу же с видом знатоков вонзили оценивающие взгляды в «Ниву».

– Ну, ты даешь, Серега! – высказал одобрение один из них.

Сергей с недоумением на него посмотрел:

– И что, Семькин? Ты бы на такой ездил?

Тот осклабился:

– Конечно! Можешь подарить, если тебе не нравится.

– Ага, щяс! – съязвил Сергей и вновь с великим сомнением взглянул на свою машину.

Короче, стал он все-таки на «Ниве», приобретшей, кстати, невиданные для подобных автомобилей ходовые качества, ездить, временами испытывая некоторую неловкость в тех случаях, когда ловил на ней любопытные взгляды прохожих и водителей других авто.

Вот в той самой «Ниве» и «расшивали» сейчас по городу наши друзья, сдав только что в ГСУ ту с большим трудом выбитую Сергеем на операцию баксовую наличность, что находилась в кейсе, и те ювелирные украшения по описи, которые в результате проведенной операции попали к ним.

Решив, что в отдел торопиться не следует, что работа, как известно, не убежит, они попросту позволили себе немного покружить по центру города и поболтать.

Биген, как уже и говорилось, витийствовал:

– Не понимаю! – пылко восклицал он. – Вот не понимаю я таких, Серега – хоть убей меня! – не понимаю...

– Чего ты не понимаешь, Бигеша? – слегка усмехнувшись, лениво поинтересовался Сергей.

– На хрена попу гармонь? – словами старой русской поговорки, пояснил Биген – исчерпывающе, как он считал.

– Прости, не понял, – вновь усмехнулся Сергей.

– Ну, на хрена этим парням эти безделушки? – наконец, соизволил Биген расставить все точки.

– Как «на хрена»? – с недоумением пожал плечами Сергей. – Денег хотели...

– Русскому человеку не нужны деньги! – безапелляционным тоном заявил Биген. – Настоящий русский человек должен быть бедным. И даже – нищим! Только тогда он будет духовным, то есть – русским! Мы же все – все человечество! – на вас, на русских, смотрим – в плане духовности. – В данной области, а именно в том, что такое настоящие русские люди, Биген мнил себя специалистом с непререкаемым авторитетом и считал себя в полном праве судить и рядить по данному поводу, как человек, прошедший среди русских едва ли не всю жизнь. – А они? – продолжил он и – резюмировал: – Тьфу!

– Насчет бедности – ты, Бигеша, загнул! – возразил ему собеседник.

– Точно, точно! – суетливо и еще более пылко бросился Биген отстаивать свою точку зрения. – Я русский народ знаю! Деньги вас, Серега, испортят! И вообще вы – странные люди!

Сергей в очередной раз усмехнулся:

– Эту байку я уже слышал.

– Точно, точно! – продолжал настаивать Биген. – Вот, например, канавка, – махнул он рукой в сторону окна.

– Какая еще, к дьяволу, канавка? – искренне изумился Сергей.

– Эта канавка, Лебязья! – вразумляя друга, наставительным тоном пояснил Биген и вновь ткнул рукой в сторону окна, на траверсе которого как раз и была та самая исторически знаменитая канавка, о которой, с легкой его руки, и зашла речь.

– И? – не понимая, куда он клонит, подстегнул его оппонент.

– А на хрена ее прозвали Лебязьей? – торжествуяще воскликнул Биген.

– А что?

– Да не по-русски же! – еще более торжествующим тоном заявил Биген.

– Вот еще! – возмутился Сергей.

– Точно я тебе говорю! У тебя в школе – что по русскому было?

– Да вроде твердая четверка.

– А у меня – пять! – привесил железный аргумент Биген. – Так что – ни мур-мур! Вот смотри: озеро – лебединое, последняя песня – она тоже, блин, лебединая, а канавка – Лебязья!

Не зная, чем крыть, Сергей вновь пожал плечами и заметил:

– Может, ее вовсе не в честь лебедей назвали.

– А в честь кого, по-твоему? В честь птеродактилей, что ли?

К своему великому стыду, которому автор и читатели могут только посочувствовать, Сергей, хотя и был коренным питерцем, свой славный и изумительный город, а точнее, его историю знал крайне плохо.

Так ведь нередко бывает?

Среди питерцев немало найдется таких, кто, гордясь славной историей своего легендарного города, козыряя его бесчисленными музеями, дворцами и соборами, фонтанами и крепостями, так ни разу и не посетил, скажем, Эрмитаж или, добавим, Русский музей.

Сергей относился именно к таким людям – ничто и никогда его, кроме службы, не интересовало, и потому сейчас он пребывал в состоянии полного ступора, не имея ни малейшего

понятия о том, кто, когда, при каких обстоятельствах, в честь кого или чего обозвал чертову канавку Лебяжьей, к названию которой столь упорно цеплялся настырный Биген. Но, чтобы не макнуться перед лицом старого друга, как говорят, лицом в грязь, Сергей решил сделать некое предположение:

– Ну, а если, скажем, был прежде здесь в Питере француз какой-нибудь заезжий – какой-нибудь там архитектор высоколобый или там, например, строитель многоопытный, который эту гребаную канавку задумал и смастырил, тогда что?

– Причем здесь француз?! – изумился Биген.

– А у французика фамилия, допустим, была Ле Бяж, – продолжал гнуть свое Сергей. – Вот в его честь и прозвали Лебяжьей...

Биген расхохотался так, что распугал чаек на перилах Дворцового моста, который они в тот момент проезжали:

– Ты совсем погнал, Серега! Несешь какую-то ахинею – французика какого-то приплел.

Сергей осерчал:

– Да отвязись ты от меня со своей канавкой! Не нравится название – пиши в газету, чтобы переименовали.

– Да я-то тут причем?! – урезонил его Биген. – Мне доверия мало. Я – инородец, то бишь, – казах. Тут русский заниматься должен. Ты должен заняться, Серега! – заключил он.

– А мне пошто?

– Ты же, блин, русский! А потом эта твоя... Как ее?! Акиматовская... Вот ты через нее, – тут Биген движениями двух согнутых в локтях рук и движениями таза изобразил нечто неприличное – напоминающее секс, – мысль и донеси.

– «Акиматовская»? – нахмурившись, взглянув на него, переспросил Сергей.

– Ну, да, она... У нас в Казахстане акиматами называют всякие там городские, районные и областные администрации, – снисходительным тоном пояснил Биген.

– Черт бы тебя побрал! – в сердцах воскликнул Сергей и отвернулся от друга, сосредоточившись на вождении.

Надо сказать, что напоминание ему о, как можно догадаться, некоей женщине произвело на него некоторое впечатление – Сергей задумался.

Здесь, автор полагает, будет своевременным рассказать об упомянутой особе подробно и отдельной главой:

Глава 14

Богиня в бикини

Однажды, примерно за месяц до описываемых в нашем повествовании событий, Сергей, вернувшись поутру в отдел после очередного допроса в «Крестах» (как всегда, в сопровождении Бигена), услал друга в магазин, чтобы пополнить запасы чая и сахара, а сам, предварительно скинув китель и рубашку и оставшись в одной камуфляжной майке, извлек из шкафа пару тяжелых гантелей и, взяв лишь одну из них, уселся на табурет спиной к дверям и, оперев правую руку о правое же колено, принялся с наслаждением набивать бицепс.

Он не стал оборачиваться ни на звук вдруг открывшейся двери, ни на звук вдруг раздавшегося следом довольно очаровательного женского голоса:

– Здравствуйте! Вы – капитан Тана, Сергей Александрович? – поинтересовался голос.

– Ну, я, – довольно грубо, проигнорировав приветствие и по-прежнему не оборачиваясь, по-прежнему продолжая уделять самое пристальное внимание только своему бицепсу, отозвался он. – Что хотели?

– Я дочь бывшего мэра, – раздалось у него за спиной. – Хотелось бы с вами поговорить.

– Какого именно «бывшего»? – с сарказмом любопытствовал Сергей. – У нас их много было – как собак нерезанных, – еще более грубо и все еще не оборачиваясь к вошедшей, заметил он.

– Предпредыдущего, – хлестко ответили ему. – Послушайте, вы и дальше будете так отчаянно хамить? Быть может, вы все-таки обернетесь ко мне? Да бросьте же вы, наконец, вашу железяку! – голос звучал требовательно.

Сергей не спешно опустил гантель на пол, отер выступившую на лбу от упражнения испарину, а затем столь же не спешно повернул голову: вначале его взгляд выхватил из пространства кабинета только пару стройных и крепких женских ног, максимально доступных взгляду из-за короткого сиреневого шерстяного платья: как раз таких ног, как ему нравились – не из тех тоненьких, не имеющих форм худосочных ножек, которыми славятся и гордятся изнуряющие себя диетами девицы, мечтающие покорять подиумы модельного бизнеса, а настоящие, женские, со всеми необходимыми округлостями в наличии – такие, от вида одного лишь соблазнительного колена которых, истинного мужчину начинает бить дрожь самого безудержного желания.

Далее он не без вожделения осмотрел обладательницу чертовских ног всю целиком: чулки телесного цвета, фиолетовые модельные кожаные сапожки на высоких шпильках, платье перехвачено белым кожаным пояском, на плечах – легкая и, вероятно, довольно теплая и, несомненно, чудовищно дорогая куртка из какого-то почти белого меха; в руках с узкими и длинными фалангами пальцев, плотно прижатая к самому животу – очевидно, весьма упругому, как успел отметить про себя Сергей – белая же кожаная дамская сумочка, словно средство некой защиты; посетительница выглядела лет не более чем на двадцать восемь; светлые брови гневно изогнуты, ярко прорисованные красные губы нервно, под воздействием все того же гнева, подрагивают: о, капитан умел вызывать гнев у противоположного пола!

В общем, Сергей остался доволен и тем впечатлением, каковое было произведено на него самого, и тем впечатлением, которое он, судя по всему, вызвал у стоявшей перед ним красивой, надменной и холеной женщины.

Впрочем, под его жестким и оценивающим взглядом ее надменность несколько поблекла.

– И? Какие трудности? – с признаками легкой насмешливости в тоне, спросил он, наконец-то, встав с табурета и, видя, что она никак не может приступить к делу, поторопил: – Ну! Что же вы? Излагайте!

– Ваши сотрудники вчера задержали одного мальчика. Он мой младший двоюродный брат. Говорят, что его, – она несколько замялась, прежде чем произнести неприятное для нее слово, но все-таки произнесла, – дело передали вам. Я бы хотела поговорить с вами о нем. Здесь какое-то недоразумение! Он милый мальчик...

– Фамилия? – перебил он ее.

– Чья? – изумилась она. – Моя? Моя фамилия слишком известна, чтобы вы не могли ее знать.

– Ах! Надо же! – язвительно воскликнул Тана. – Да плевать я хотел на вашу фамилию! Вашу я, разумеется, знаю. Его, конечно!

– Лабудский, – с некоторым вызовом сообщила девушка.

Фамилия подростка тоже была из тех, что, как говорится, на слуху.

– И почему о нем беспокоитесь вы? – удивился Сергей. – Пусть бы его родители и парились.

– Наши внутренние дела, – с достоинством возразила ему девушка.

– Ладно, – более мягким тоном отозвался Тана. – Я, честно говоря, пока еще не в курсах. Присядьте пока, – показал он взглядом на тот диван в кабинете, который где-то умудрился выцыганить Биген с полгода назад, и направился к дверям.

Девушка, дав ему пройти, все с тем же достоинством посторонилась и, переместившись к дивану, осторожно уселась там на самый краешек, предварительно придирчиво осмотрев предложенное ей место на предмет наличия на нем пыли.

Распахнув широко дверь кабинета, Тана выглянул в коридор: к его изумлению, за дверью обретались два здоровенных качка – оба в майках с коротким рукавом, у обоих через левую руку были перекинуты пальто, плечи перехватывались кожаными ремешками подмышечных кобур.

Качки, освобождая ему простор, несколько отодвинулись от проема, Тана с сарказмом покосился на их бицепсы, хотя они у них были явно больше его собственных, а затем громко, на все здание заорал так, что качки вздрогнули:

– Биген! Биген, где ты, черт тебя подбери!

Откуда-то с нижних этажей – наверняка, от самой дежурки на его зов и тоже истошно отозвались:

– Ау, Серега! Да здесь я, здесь!

Ожидая появления Бигена, Тана еще раз колючим взглядом смерил качков, мысленно пофантазировав о том, какими именно ударами, если б понадобилось, можно б было обоих «уделать».

Биген появился вскорости – семеня короткими, но юркими ножками по коридору, прижимая к груди кульки с сахаром, пряниками и коробку ходового чая, он, запыхавшись, приблизился к своему капитану:

– Че, Серега? – невозмутимо поинтересовался он.

– Ты где столько времени бродишь?

– Сам же за чаем отправил!

– Не полчаса же!

– А я на обратном пути в дежурку к пацанам потрещать забежал, – не теряя невозмутимости, пояснил Биген. – Что горит?

– Дело некоего Лабудского у нас в производстве есть?

– Есть у нас дело этого расиста, – уверенно подтвердил Биген. – Его ночью патрульные задержали – дебош устроил в ночном клубе с нанесением телесных повреждений гражданину иностранного государства. Наглый такой балбес! Поутру нам передали. Я забыл тебе сказать – оно у тебя на столе.

– Покажи! – потребовал Тана.

– Ага, щяс! Я шументом, – покладисто согласился Биген и ринулся в кабинет.

Тана, прикрыв дверь, тоже вернулся к себе.

Посетительница тут же была обстреляна градом сладострастных взглядов Бигена – сгружая покупки в шкаф, он едва не уронил их мимо полки, так как, все время не мог оторвать глаз от девушки, а та в свою очередь с изумлением наблюдала за таким маленьким и таким реактивным азиатом.

Кое-как справившись с разгрузкой, Биген ринулся к столу и, по-хозяйски там порывшись, вытащил из прочих тоненькую папку и протянул ее ожидавшему Сергею:

– Вот!

Сергей внимательно прочел протокол задержания.

– Дебош, значит, устроил ваш мальчик в ночном клубе, – заметил он девушке мимоходом.

– А я говорю вам, что тут какое-то недоразумение! – с апломбом возразила та.

Сергей продолжал читать:

– В принципе, здесь все просто, – начал он.

Но девушка его торжествующе перебила:

– Я же вам говорила!

– Напился, – продолжал Тана, – устроил драку со студентами из Зимбабве, одному из которых разбил голову бутылкой шампанского «Дон Периньон». Круто! Как вас зовут, кстати? – поинтересовался он у посетительницы.

– Маргарита, – мгновенно и с язвительностью в голосе ответила она. – Только не прикидывайтесь, что вы не знали, как!

Тана пожал плечами:

– Клянусь, ничего не знал. Так что же мы будем делать, Маргарита? – задав вопрос, Сергей невольно покосился на круглые коленки девушки.

Отвечая, посетительница пыталась одновременно несколько натянуть подол своего платья книзу, но – безуспешно:

– Наверняка, его спровоцировали. Быть может, даже из-за девушки! – Она заглянула в глаза собеседнику, но, не дождавшись от него никакой реакции, продолжила: – Ну, неужели же мы не сможем как-нибудь уладить такой пустяк?! Всегда же можно договориться! – И она расстегнула сумочку: – Триста долларов вас устроит? – зашелестев в чреве сумочки купюрами, улыбнулась она, вопросительно глянув на Сергея, но, так как ответа не последовало, добавила: – Пятьсот?

Тана смотрел на нее неприязненно.

– Эти – в коридоре – кто? – проигнорировав ее вопросы, поинтересовался он.

– Эти? – с недоумением переспросила она, но, догадавшись, все-таки пояснила: – Мои телохранители.

Тана мрачно усмехнулся:

– Хранители вашего тела? – и, не дожидаясь реакции девушки на свой сарказм, повернулся к Бигену: – Бигеша, сходи-ка, приведи сюда нашего горячего джигита, – распорядился он. – И обожди с ним в коридоре, пока я тут с девушкой утрясу все формальности.

– Сей момент, Серега! – понимающе отозвался тот и незаметно для девушки подмигнул другу.

Едва Биген исчез, Сергей запер дверь на ключ.

Телохранители посетительницы, услышав, как ключ в замке провернулся, обеспокоенно переглянулись, но промолчали и только слегка покосились на табличку, прикрепленную к двери кабинета, надпись на которой гласила:

**Старший оперуполномоченный
капитан С.А. Тана**

Покончив с дверью, он обернулся к девушке: ноздри его раздувались. Та, уже предчувствуя то, что, по ее мнению, ни в коем случае свершиться не могло, но, тем не менее, вот-вот могло свершиться, встала ему навстречу, вновь прижав в животу сумочку – последнюю и, увы, весьма шаткую преграду между нею и стоявшим напротив хищником.

Сергей одним движением, подчиняясь инстинкту диверсанта (мы еще расскажем вам более детально об упомянутом его инстинкте, и не только о нем, но несколько ниже), обнажая крепкое тело, сдернул с себя камуфляжку, в которой так до сих пор и разгуливал перед посетительницей.

– О! – только и смогла произнести она.

Да она была уверенной в себе молодой женщиной известной всему городу, пресса называла ее не иначе, как «светской львицей», но в груди у нее билось отнюдь не львиное сердце, а самое, что ни на есть, обыкновенное – женское! – и ее сердцу хотелось чего-то такого, чего в ее жизни не было – не псевдоумных разговоров, не нашептываний хлипких оболыстителей – нет! Втайне ее сердце желало чего-то такого, что и случилось сейчас в кабинете у Тана: чтобы ее однажды вот так кто-нибудь попросту взял, не спрашивая у нее на то разрешения. Да и, откроем секрет, Маргарита, по сути, жила очень одинокой жизнью среди того шума и чванства, что ее окружали.

Биген, оставив извлеченного из камеры временного содержания мальчика на попечение дежурных, вернулся на этаж. Дойдя до дверей кабинета Тана, он остановился прямо напротив них, а, значит, и напротив качков, и прислушался. Звуки, свидетельствующие о разворачивавшемся в те минуты внутри кабинета сексуальном безумии, уже стали вполне различимы и, очевидно, оказали столь приятное и даже ласковое воздействие на барабанные перепонки ушей Бигена, что на губы его тут же напозла легкая улыбка абсолютно удовлетворенного жизнью человека, и он, внимательно прислушиваясь, в трансе немного наклонил голову и стал машинально пощипывать тюркскую бородку. Постепенно его улыбка становилась все шире и шире и, наконец, он, бодро вскинув голову, заговорщицки и дружелюбно посмотрел на стоявших прямо перед ним качков, озорно подмигнул каждому из них в отдельности, а затем устремился к дверям соседнего кабинета.

Качки проводили его перемещение мрачными взглядами, а затем переглянулись друг с другом – вид у них при том был насколько безобидный, настолько же и тупой.

В соседнем кабинете двое оперативников вели допрос. Когда дверь широко распахнулась, и перед ними предстал возбужденный Биген, они замолчали и с удивлением уставились на коллегу. Он же, не церемонясь, быстро прошел к столу и, схватив с него стакан, набитый карандашами и авторучками, вывалил все его содержимое прямо перед носом того из оперов, кто был хозяином помещения.

Тот с возмущением вперился в Бигена:

– Бигеша, ты что вытворяешь? У нас тут, между прочим, идет допрос подозреваемого!

– Тсс! Заткнись ты, Ерохин! – зашипел на него Биген, прижав палец к губам. – Там, – кивнул он на стену, – такое творится! Такое! – И, не потрудившись дать более точные объяснения, он ринулся к стене, выдернул из розетки штепсель компьютера, отчего тут же «гавкнул» весь набранный там протокол уже подходившего к концу допроса (так как, хозяин кабинета только-только начал осваивать премудрость обращения с хитрым инструментом и еще не усвоил привычки периодически сохранять набранный текст), и, приложив стакан, плотно прижался к нему ухом, смастерив себе, таким образом, своеобразное подслушивающее устройство.

Хозяин кабинета в сердцах вскопчил с места:

– Ты совсем очумел, что ли, Биген?! Ты что наделал?! Я целый час набивал дерьмовый протокол! Одним пальчиком! – подчеркнул он, едва не плача. – Что мне теперь? Вешаться, что ли?

Но – Бигена мало трогало чужое горе:

– Потом, Петя, потом! Там, – он вновь показал глазами на стену, – Тана такое чудит! – И он сделал несколько своих излюбленных, и, согласитесь, весьма неприличных движений тазом.

Оперов проняло любопытство, и они приблизились к Бигену, причем по пути один из них грубо пихнул подозреваемого:

– Ну-ка, ты, урод, подвинься! – потребовал он и, склонившись над коллегой, поинтересовался: – Ну, что там, Бигеша? Дай послушать.

Походная жизнь не очень-то часто балует своих избранников интимом, и потому, когда все-таки такая возможность выпадает, теряться им нельзя – нужно успеть сделать все, как надо, и причем, увы, в ограниченное время. Среди тех «боевых» навыков, которые приобрел и сумел сохранить Сергей, имелся и такой.

Когда двери кабинета, наконец, открылись, он и Маргарита предстали на пороге хотя и несколько разгоряченными, но, тем не менее, успевшими привести себя в некоторый порядок – во всяком случае, на Тана успела появиться рубашка. В руках он держал тоненькую папку с делом подростка.

– На вот, возьми на память, – протянул он папку девушке.

Та, молча, стараясь не встречаться глазами с телохранителями, взяла.

– Биген, Биген! Ты где? – громко крикнул в коридор Тана.

Друг тут же вынырнул из соседнего кабинета:

– Че, Серега?

– Приведи ко мне этого... Как его?

– Балбеса? – предупредительно подсказал Биген.

– Да.

– Легко! – и Биген засеменял по направлению к дежурке.

– Капитан! – позвала Маргарита, тронув Сергея за локоть.

Он оглянулся на нее. Она протянула ему визитку:

– А это вам. На память...

Тана, на миг взглянув на карточку, тут же упрятал ее в нагрудный карман рубашки. Она снова тронула его за локоть:

– Надеюсь, позвонишь? – спросила чуть слышно.

– Обязательно, – твердо – так, что никаких сомнений в том, что позвонит, оставаться не могло, пообещал он.

Появился Биген и подвел к ним вихлястого долговязого подростка, лет семнадцати от роду на вид, которого придерживал за рукав кожаной куртки.

Тот, едва заметив сестру, вальяжно воскликнул:

– Марго! Ты что тут делаешь?

Впрочем, она ему ответить не успела – одним движением приняв мальчика из рук Бигена, Сергей тут же втолкнул того в кабинет, по ходу бросив девушке:

– Обожди немного, я его сейчас отпущу, – и снова запер за собой дверь.

Телохранители вопросительно взглянули на работодателя, но она сделала им успокаивающий жест рукой.

Подросток выжидающе и с вызовом смотрел на Тана. Сергей размахнулся и с силой опустил тяжелый кулак на балбесово темя. Тот от страха и боли втянул голову в плечи.

– Нельзя бить людей по голове! – назидательно, приблизившись к мальцу вплотную и глядя тому прямо в глаза, проскандировал Сергей. – Понял?! Нельзя бить людей по голове! – повторил он. – Бутылками шампанского «Дон Периньон»... Даже, если этот человек черножо... Черт! – обмолвившись, в сердцах ругнулся Тана и – поправился: – Даже, если он – гражданин Республики Зимбабве! Понял?!

Балбес, непривычный к столь грубому обращению, молчал, с ужасом взирая на близко стоявшего Сергея.

Тогда Тана чуть от него отодвинулся и всадил еще один крепкий удар ему в темя – так, что казалась, башка мальчика немного хрустнула, как переспевший арбуз.

– Да понял я, понял! – взмолился мальчишка.

– Все! – удовлетворился ответом настырный капитан и, отворив дверь, приказал: – Пошел вон из моего кабинета!..

Стоя у окна, которое выходило на набережную, Сергей и Биген наблюдали, как усаживалась в белый «Порш-Каррера» давешняя посетительница с мальцом, как вслед за ними отъезжал от здания РУВД черный «Крузер» с качками.

– Вот так наши ребята умеют! – восхищенно сопел рядом с Тана Бигеша. – Как ты ею овладел! Молодец, Серега! Перед спецназом все наклоняются! Ну, расскажи же! Серега! Расскажи, как все прошло?

Сергей был задумчив и молчалив, восторгов друга не разделял.

А Маргарита... Что ж, – в жизни всякой настоящей женщины, к какому бы кругу она не принадлежала, случаются события, о которых она, сознавая всю неблагоприятность своего поведения, постыдится рассказать даже самым близким подругам, но, тем не менее, любит о таких событиях тайком вспоминать, всякий раз переживая их снова и снова.

Через три дня Сергей, как и обещал, позвонил Маргарите. Они стали встречаться, но все больше украдкой. Он ей казался грубым и неотесанным мужланом, но почему-то рядом с ним она чувствовала себя женщиной, просто женщиной – ничуть не более, но и ничуть не менее того, но – как могла она представить его своим, например, подругам? А паче того – родителям? Сергей же жутко не любил, если на тропинках их свиданий неожиданно встречался кто-либо из ее подруг или (и особенно!) кто-либо из ее приятелей. Его поражало, что происходило с ним в таких случаях: еще за какую-нибудь минуту до того он чувствовал себя совершенно свободно и раскрепощенно – так, как обычно, в компании друзей и коллег, а затем вдруг на смену столь приятным всякому мужчине чувствам приходили чувства скованности, неестественности и так далее.

Поэтому, они, так ни разу о существующих проблемах не поговорив, старались встречаться украдкой. И чаще всего такие встречи проходили... Впрочем, у нас еще будет время уточнить.

Главное, что эти двое, принадлежавшие к столь разным социальным слоям нашего столь различающегося внутри себя общества, воспитанные в столь разные времена на столь различных ценностях, сошлись.

Глава 15

Стрелка

В те самые минуты, когда наши друзья из органов, прошвырнувшись по городу, парковали необычную «Ниву» подле подъезда Василеостровского РУВД, по Невскому проспекту в потоке пешеходов прогулочным неспешным шагом шли Костя и Мария: первый – несколько сдерживая эмоции, которые неизбежно вызывала северная столица России у всякого, кто туда впервые попадал; вторая – свои эмоции оказалась сдерживать не в силах.

Они направлялись к тому перекрестку знаменитого на весь цивилизованный мир проспекта, неподалеку от которого располагалось небольшое кафе или закусочная, а может, и рюмочная (со стоячими местами подле столиков), куда любила заглядывать питерская молодежь, и где у Кости была запланирована «стрелка» с Зеленым.

По Невскому, то и дело, мимо них фланировали легковушки, полные пассажиров в сине-белых шарфах, которые, высунув в приспущенные боковые окна сине-белые флаги, весело помахивали ими, задорно выкрикивая в сторону пешеходов лозунги типа: «Зенит» – чемпион!»

Дойдя до назначенного места, Костя, поигрывавший на ходу ключами от Гешиной квартиры, для которых он уже успел где-то приобрести симпатичный брелок, остановился:

– Мария, ты меня здесь обожди – один войду. Я быстро, если че... Ладно? – попросил он спутницу.

Девушка с некоторой брезгливостью глянула на окна простенькой кафешки и беззаботно кивнула:

– Ладно. В такой гадюшник я бы и сама заходить не стала – хоть с тобой, хоть без тебя. Если че... – передразнила она дружка.

Костя без лишних слов вошел внутрь.

Там его окликнули:

– Кот, я здесь! – высоко задрал кверху руку, чтобы обратить на себя внимание вошедшего, поприветствовал его Зеленый, рядом с которым стоял невысокий, очень мрачной наружности угрюмый парень, чьи густые брови, казалось, навечно сведенные вместе, прорисовали на его лбу заметные и не по возрасту глубокие морщины – едва ли ему было больше тридцати пяти.

Перед ними поблескивал небольшой графинчик, видимо, с коньяком, стояли рюмки – уже увлажненные, и тарелка бутербродов с сыром и колбасой.

– Салам, парни! – поздоровался с ними Костя, подойдя вплотную, и протянул руку сначала Зеленому, а затем незнакомцу, которой заторможенным движением пожал ее, не сводя с Кости изучающего и по-прежнему угрюмого взгляда. – Что пьем? – для завязки разговора заинтересовался Костя.

– Харашо выглядишь, Кот, – с любопытством разглядывая его, так как они давно уже не видались, заметил Зеленый, и ответил на вопрос: – Каньячок, будешь?

– Нет, – отказался Костя. – Я с утра уже пару рюмок водки накатил. Да и некогда – не один я.

Зеленый скосил глаза в сторону окон, подле одного из которых можно было углядеть скучающую Марию.

– Твоя? – по-свойски заинтересовался Зеленый.

– Моя, – ответил Костя и переменял тему: – Ну, что будем делать? Все в силе?

Зеленый с трудом отлепил маслянистый взгляд от окна:

– Адабрюю, – причмокнул он губами и только потом ответил на Костин вопрос:

– Вот, Кот, познакомься, – кивнул он на незнакомца, – перваклассный парень! Надежный и свой. Кстати, твой тезка, но паганяло у него Мазох.

Костя еще раз взгляделся в незнакомца и кивнул:

– Добро! Значит, все в порядке? – снова спросил он у Зеленого.

– Я же абещал! – расплылся тот в легкомысленной улыбке. – Гостям у нас всегда рады.

Аособенно, когда они при деньгах...

Тут, перебив Зеленого, в разговор вступил Мазох:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.